

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

СКАЛОЛАЗ

Михаил Нестеров

Скалолаз

«ЭКСМО»

2008

Нестеров М. П.

Скалолаз / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2008

Для захвата чешского вице-преьера Кроужека, совершающего в Гималаях юбилейное восхождение, в горы отправляется террористическая группа альпинистов. Предводитель бандитов Ларс Шеель регулярно получает от таинственного Координатора информацию о местоположении чешского лагеря. Террористы расправляются с российскими скалолазами, оказавшимися на их пути, и теперь выдают себя за россиян. Похоже, дни чехов сочтены. Но Шеель и не подозревает, что где-то недалеко уверенно идет по заснеженному склону уникальный альпинист из группы майора ГРУ Рогозина, способный сорвать его планы. Этот скалолаз не успокоится, пока не сведет счеты с убийцами своих товарищей...

© Нестеров М. П., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	10
3	21
Глава 2	25
1	25
2	31
3	37
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Памяти Марека Малятынского посвящается...

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение» за использование его материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Белая гора, высокая гора! Такая высокая, что и птица не пролетит над тобой. Позволь нам коснуться твоей вершины. Позволь мечте осуществиться. Мы будем стремиться к тебе не со спесью и жаждой насилия солдата, идущего на врага, но с любовью ребенка, который взбирается на материнские колени.

Норгей Тенцинг, первый покоритель Эвереста

Глава 1

4 августа – 2 сентября 1993 года

1

Пешавар, Пакистан

– ...«Черные немцы»? Это что за дерьмо такое? Куда пойдет турецкая молодежь, спрашиваете вы? Куда мы ее направим, туда и пойдет. Определим дорогу и поставим фугасные силки. Будут рваться на каждом километре. Всех под одну гребенку. Мне не нужна Турция. Не я, не кто-то похожий на меня желает видеть Турцию своей землей. Это турки хотят поиметь Великую Германию. Это политикам, которые лгут на всех языках, нужны титульные этносы – но я не политик, и я хочу спросить: это что за фигня такая?.. Безработица по-турецки? А почему не говорят про безработицу по-немецки? На уме юные «черные немцы», эти тупые выродки, этот «черный юмор», эта безродность, которую мы называем гастарбайтерами. Если у вас плохо с немецким, слушайте: гастарбайтер – это *приглашенный рабочий*. Кто их приглашал и кто из них стремится со временем вернуться из Германии на родину? Какой дерьмояд захочет покинуть приютившее их духовное и культурное гетто и вернуться на помойку? Они делают работу, от которой мы, немцы, отказываемся? Дайте мне такую работу, и я сделаю ее. Зачем? Во имя Германии. Три миллиона турок. Вдумайтесь в эту цифру: три миллиона турок! Которые только и делают, что разбавляют немецкую расу. Уже появились «темно-серые немцы», на подходе просто «серые», как саранча. И народ Германии станет похож на безбрежное море стадных вредителей. Восточногерманские пограничники не допускали бегства людей из страны, теперь пограничникам поручена другая задача: не допустить притока людей извне. Люди – это поляки, курды, румыны, политические, экономические, религиозные и еще черт знает какие беженцы из самых грязных закутков Европы и Приевропья. Испанцы, итальянцы, греки? Они

ничуть не лучше поляков, сербов и хорватов, этих уставобранителей, и турок. Вы спрашиваете про национальное меньшинство? Я отвечу так: я поддерживаю это. Хотя бы потому, что это меньшинство пока еще не сильно разбавило турецкое большинство. Элементы интернационализма? Эта блевотина приведет и Германию, и всю Европу к краю пропасти. Не путайте нацию с народом, с разношерстной толпой. Выслушайте меня, и не смешивайте меня с другими, как сказал Ницше. Знаете, почему я, командир «Красного спасения», мои товарищи и те, кто не утратил способность мыслить трезво, завидуем китайцам? Да, китайцам, этим мандаринам. Потому что Великая Китайская стена стоит на своем месте. С каких это пор немцы начали лебезить: «Полагаю, что вы заблуждаетесь»? Мы, немцы, всегда в глаза говорили: «Это ложь!» Куда подевалась наша прямота, что с ней стало, умерла? И чем больна Германия?.. Люблю ли я животных? Наверное, вы пришли к выводу, что я не люблю людей. Но я отвечу на ваш вопрос: я люблю животных, собак. Когда я был женат, в нашей семье были две собаки – немецкая овчарка, которая слушалась только меня, и длинношерстная пастушья, которая позволяла моей жене одевать ее в шерстяные жакеты и завязывать банты, требовала шоколад и поглощала его пачками. Я говорю о послушании и преданности, о послушании и преданности, и снова о послушании и преданности. Все собаки прекрасны, а мир – это лоток для их экскрементов. Друзья? Они – препятствия между тобой и успехом. Нужно ли говорить, что друзей у меня нет?.. Что нужно, чтобы прославиться и получить приз? Диктую рецепт, записывайте. Нужно взять одного маленького засранного турка и начинать гладить его по голове, заглядывать ему в задницу, и чтобы все видели. На ночь отпускать его, чтобы он смог избить немца, изнасиловать немку. Утром нужно снова поласкать его, но уже после того, как он сходит на горшок. «Черные немцы» могут интегрироваться в немецкое общество? Хрена с два! Или при условии, что каждый немец обзаведется приличным «потрошителем» с интегрированным глушаком. Они хотят интегрироваться в наше общество – это даже не смешно. Их выгоняют из их же долбанных школ за то, что они пользуются туалетной бумагой, а скоро начнут убивать за это. С грязной задницей ходить сподручней. Извините, мне нужно отлучиться на минутку – попить желчи.

В речи Ларса Шееля удивляло в первую очередь то, что говорил он абсолютно спокойно, был взвешен – и внешне, и внутренне, не реагировал, как говорится, ни на внешние, ни на какие-либо другие раздражители.

Он сидел перед камерой и смотрел в бездонный объектив – а в нем затаился весь мир, сотни тысяч глаз и душ, к которым он обращался. Он смотрел в центр этого круга, а не на верхний обрез бленды, как посоветовал ему оператор, оттого взгляд Ларса Шееля был более проникающим, извне, из потустороннего мира.

Он красив и, кажется, благороден, он сорит изысканными манерами. Он образован. С его языка часто срываются ругательства, но он-то знает, что немцы в слове «дерьмо» ругательства не видят; не замечает этого он, не заметят и те, к которым обращены его слова.

Он часто курит. Ни разу не уронил пепел на пол, на штанину отутюженных брюк. Он гладко выбрит, прическа волос к волосу. Его пальцы тонкие и чувственные, как у пианиста, но в то же время в них чувствуется сила. Они – чистые. Не верится, что на них кровь десятков людей. Он – противоречивый человек. Ему сорок пять? Не верится. Корреспондент в самом начале этого интервью спросил: «Сколько вам лет?» Шеель ответил: «Тридцать. И так каждый год».

Позади командира «Красного спасения» полки с книгами – целый стеллаж. Фридрих Энгельс, Карл Маркс, Владимир Ленин, Фридрих Ницше, Фридрих Шиллер, Карл Густав Янг, Иоганн Гёте, Малерен ван ден Брук... Ему ли принадлежат книги этих авторов? И если да, то читал ли он их или хотя бы перелистывал? Но то, с какой уверенностью, с какой внутренней убежденностью он говорил, – да, читал. Его манеры, его убеждения, и сам он говорил словами Ницше:

– «Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством... И в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему: „Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь! В течение десяти лет подымалось ты к моей пещере: ты пресытилось бы своим светом и этой дороною, если б не было меня, моего орла и моей змеи. Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя переизбыток твой и благословляли тебя. Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые ко мне...“ Понимаете, „мне нужны руки, простертые ко мне“. И я боюсь этих слов, потому что с ними начну превращаться в лгуна-политика...

Именно этот эпизод из жизни Ларса Шееля припомнился Клаусу Херцфельду, едва командир бригады «Красное спасение» перешагнул порог приемной общественного фонда «Дипломатический корпус», неотрывно связанного с лагерем по подготовке наемников «Ансарион». Во главе фирмы, имеющей интересы в Пакистане и Афганистане, стояли «отборные профессионалы» из бундесвера.

«Дипломатический корпус» считался крупной фирмой и торговал оптом. Услугами «ДК» охотно пользовались даже спецслужбы Америки и Великобритании, заменяя, где только можно, наемниками своих кадровых солдат, и задачи ставились перед ними одинаковые.

– Ты помнишь, как мы познакомились? – спросил Херцфельд, когда они выпили по рюмке коньяка и закурили, устроившись в кожаных креслах за низеньким столом.

Шеель кивнул и улыбнулся, мысленно вернувшись во времена Идеи...

Акты проводились во имя Идеи. Турки кусками вылетали из своих домов, грязными ошметками падали на асфальт турецких поселений в Дрездене, Герлице, Карл-Маркс-Штадте, а после – в Хемнице... Захлестывало упоение – немецкая земля очищалась от скверны немых турок, нечистоплотных арабов.

Прошли даже не годы, а месяцы, люди привыкли к взрывам, их перестали трогать известия о жертвах, извлеченных из-под обломков рухнувшего здания, взорванного автобуса. И редко кого, за исключением самих турок, стало трогать имя командира бригады «Красное спасение» Ларса Шееля.

После очередного рейда бойцы западногерманской «армии» скрывались на территории ГДР. Они обменивались опытом и информацией с ведомством госбезопасности. Инструкторы, во главе которых стоял Клаус Херцфельд, помогали новичкам от КГБ осваивать азы террористического дела. За два года до объединения Восточной и Западной Германии Херцфельд и несколько офицеров бундесвера открыли свое дело в Пешаваре, важном пункте на шоссе, ведущем в Афганистан. «Красную армию» Ларса Шееля, числом превышающую пятьдесят бойцов, приютила госбезопасность Чехии, предоставив им базу под городком Дечин на берегу Эльбы.

– Неплохие были времена, – прокомментировал свои воспоминания Шеель. – Во всяком случае, скучными их никак не назовешь.

– Что привело тебя в Пакистан? – спросил Клаус.

– Мне нужно попасть в Душанбе. В одну из пятнадцати или шестнадцати, никак не могу запомнить, республик бывшего Союза.

– В Таджикистан, – поправил собеседника Херцфельд. Он взял со столика пульт и направил его на задрапированную стену. Драпировка на поверку оказалась шторой. Штора отъехала в сторону, открывая занявшую полстены карту Афганистана и граничащих с ним стран – Ирана, Туркмении, Узбекистана, Пакистана, Китая, Индии, Таджикистана. Нажатием кнопки пульт превратился в лазерную указку. Яркое красное пятно очертило границы Республики Таджикистан.

– Ну да, конечно, – сказал Шеель. – Я ошибся, назвав страну именем столицы.

– Еще коньяка?

– Было бы кстати.

Хозяин кабинета разлил коньяк.

– Благодарю. – Шеель опрокинул рюмку в рот. – Ты знаешь, что я в международном розыске и при всем желании не могу прибыть в Таджикистан по туристической путевке.

– Самый простой ход, – покивал Херцфельд. – Его нередко используют действующие разведчики.

– Моих парней нельзя назвать разведчиками, но трое бойцов моей бригады приедут в Душанбе как туристы. Их, в отличие от меня, не ищет Интерпол.

– Целая делегация, – заметил Клаус и, в задумчивости теребя гладко выбритый подбородок, переспросил: – Значит, ты хочешь в Таджикистан?.. Проводники из местного населения доведут тебя до Пянджа, оттуда, если договоритесь, довезут до Душанбе. Можно узнать о твоей миссии? – Херцфельд сменил положение в кресле, закинув ногу за ногу и оголяя часть ноги за черным носком. – Хотя на этот вопрос ты можешь не отвечать.

– Знаешь, политики завоевывают электорат, церкви ведут борьбу за паству, я ищу связи с соотечественниками. В Таджикистане и Казахстане немало немцев, еще больше – в Поволжье. Уже четыре года нет Берлинской стены. Кто-то вернулся на родину, кто-то собирается в дорогу, кто-то останется. У меня мандат от Национал-демократической партии, которой небезразлична судьба соотечественников за рубежом, на встречу с главами диаспор.

– Ты вступил в партию? – с недоверием спросил Клаус.

– Ненадолго. Если я наступлю в дерьмо, партия поможет мне отмыться. Я без страховки на вертикальные стены не лезу.

– Во главе партии стоит старый добрый Дитрих? – улыбнулся Херцфельд, приглаживая волосы.

– Пока что стоит, – ответил Шеель. – Но скоро может сесть.

– В самом деле? – Теперь глава «Дипкорпуса» спрятал улыбку, маскируясь жестом: поправил очки в тонкой золотистой оправе.

– На последнем съезде он обратился к членам партии, потрясая с трибуны клешнями: «Вот этими самыми руками будут снова отвернуты краны газовых камер».

– Да что ты!

– Серьезно. Сказал это перед камерами. – Шеель рассмеялся над обескураженным видом товарища. – В этот раз его «крылатая фраза» не пролетела мимо ушей нашей юстиции, и под него начали активно копать. Молчи – и тебя не процитируют.

– Это ты верно заметил.

Шеель прикурил новую сигарету и вернулся к теме:

– Я серьезный человек, Клаус. Хотя меня называют по-разному: идейным борцом, уголовником, некоторые – искателем приключений. Я лишь отчасти «пограничный человек», а точнее – был таковым в середине семидесятых. Тогда я искал себя в экстремальных ситуациях, стремился к неосвоенным цивилизацией территориям. Горы... – Шеель улыбнулся. – Я говорю о горных вершинах и девственных облаках, заключивших их в объятия. Потом борьба стала образом моей жизни. Я не кидался, как в котел, в горячие точки, я создавал их.

Клаус покивал так, как если бы аплодировал:

– Я давно знаю тебя, Ларс, иначе не стал бы тебе помогать. Я вербую наемников, в которых сейчас остро нуждаются северные провинции Афганистана – Тахар, Балх, – лазер снова коснулся карты, отмечая названные районы. – Контору, которую я представляю, интересуют «пограничные люди», как ты сказал. Кстати, я впервые слышу этот термин. Наемников как только не называют: «дикими гусьями», «черными аистами», «собаками войны».

– Этот термин придумал российский историк Ключевский.

– Господи, Ларс, ты меня удивляешь. Ты читал труды Ключевского?

– Кое-что из «Курса русской истории», написанного им в период с 1904 по 1922 год, – с деланным безразличием ответил Шеель.

В возгласе Клауса не было и капли притворства:

– Но зачем?!

– Никогда нелишне узнать о людях... которые однажды победили твой народ. О стране, границу которой я намерен перейти нелегально.

– Почему именно Ключевский?

– Можно сказать, его книги, переведенные на чешский лет десять назад, попались мне на глаза случайно, когда я искал в пражской библиотеке книгу Малерена ван ден Брука. Но это отдельная история, – улыбнулся Шеель.

– Я помогу тебе, Ларс, – в очередной раз пообещал Херцфельд. – Но скажи откровенно, почему ты выбрал...

– Твою контору?

– Нет, конечно. Почему ты выбрал такой сложный путь? Чтобы попасть в Душанбе, есть другие пути, я могу подсказать.

– Знаешь, будет очень весело и эффектно появиться перед пленными немцами и их потомками, нелегально перейдя границу. Что там путевка или деловая командировка, верно?

– Не знаю, как отнестись к этому.

– Я знаю. Я не просто «пес войны» – я старый «пес войны», и мне незачем учиться новым трюкам. Это дело молодых собак и щенков.

Клаус развел руки в стороны, как бы говоря: «Ну что с тобой поделаешь».

– Флаг тебе в руки, Ларс. Но ты, признайся, не был со мной откровенен.

– Что верно, то верно. Если говорить прямо, я давно не был в горах. Сегодня для меня даже три тысячи метров – предел мечтаний. Кто знает, может быть, завтра я буду смеяться над этой высотой, которая действительно покажется мне смехотворной.

Шеель двадцать лет назад не дошел до восьми тысяч метров всего девяносто восемь. Но не потому, что не хватило сил и он сдался, а потому, что пик Кангбахена находится на высоте *всего* 7902 метра. Шеель плакал, взойдя на строптивую гору: сколько усилий, сколько душевных и физических мук претерпел он, чтобы в составе интернациональной экспедиции оказаться на вершине Кангбахена!.. У подножья горы пик казался пределом мечтаний, а на вершине Ларс оказался подавленным, ущербным. Он сквозь слезы смотрел на соседний пик Канченджанга и молил бога дать ему крылья: «Только девяносто восемь метров, Господи, и забери крылья назад! Оставь меня, и я рухну вниз...»

Ларс до сих пор ощущал непреодолимую тягу к горам, к облакам – «что и птица не пролетит», к своему непокоренному восьмитысячнику. Жалея себя, издеваясь над собой, он соглашался на меньшее – пик Кангбахен. Он знал, что никогда не ступит на такую высоту, поэтому был в своих мыслях необыкновенно упрям.

2

В столице Таджикистана командира поджидали Дитер Крамер, Хорст Кепке и Мартин Вестервалле, наиболее близкие ему люди, с которыми он прошел огонь и воду. Они встретились на Привокзальной площади, как и было договорено.

– Как переход? – спросил Кепке не без зависти. Он был вторым и последним альпинистом в бригаде и еще помнил трепетное состояние, стоя на вершине Монте-Розы. Ему казалось тогда, что он проник в некую тайну, которую уже вдыхал вместе с морозным воздухом Альп, но еще не понимал ее смысла. Что-то божественное витало тогда над ним, будто он примерял ореол всевышнего, ставшего тогда милосердным и уступившего на время свое могущество и силу молодому немцу. Да, пожалуй, Хорст Кепке чувствовал тогда себя богом: он на вершине!

– Переход? – переспросил Шеель. И поборол в себе желание отмахнуться: переход как переход. – Если бы мои проводники не перли героин, а я не держал в голове пятнадцатилетний срок за контрабанду, незаконный переход границы и ношение огнестрельного оружия, то переход можно было бы назвать скучным. Я совершил два преступления и стал соучастником третьего. По здешним уголовным меркам, это пятнадцать лет. За все.

– Вижу, в дороге ты время зря не терял, – заметил Кепке, – зубрил уголовный кодекс.

– Да, изучал не только бадахшанские тропы.

– Больше ничего с тобой не приключилось?

– Пяндж, – командир скривился. – Этот городишко буквально кишит пограничниками. Но проводники знают свое дело. На контрольно-пропускных пунктах мы не задерживались больше чем на минуту. Здесь главное – знать, кому и сколько дать на лапу. В основном говорят на русском, и это называется «все схвачено». Как вам город? – спросил командир, «выводя» на разговор нелюдимого Вестервалле.

– Говорят, раньше это был кишлак, – ответил Мартин, здорово похожий на Дитера Болена из поп-группы «Модерн Токинг»: белокурый, белозубый.

– Так и Берлин начинался с деревушки, – хмыкнул Шеель. И задал вопрос в продолжение темы: – У вас был разговор с главой нашей диаспоры?

Ответил Кепке:

– Он дал нам расклад на группировку некоего Сарацина.

– Слушаю тебя, Хорст.

– А меня ты не хочешь послушать? – не без раздражения спросил Дитер Крамер. – Ты даже со мной не поздоровался. Я что, из Турции?

– Извини, я перепутал тебя с местным. Ты стоял, как на автобусной остановке, ходил туда-сюда, поглядывал на часы, похлопывал себя газетой. Здравствуй, Дитер.

Крамер махнул рукой. Кепке продолжил:

– Сарацин считается одним из главных авторитетов в городе. В середине восьмидесятых подмял под себя всю коммерческую деятельность, после распада Союза – частный бизнес и государственный. Затем перенес свою деятельность за рубеж. Его влияние почувствовали на своей шкуре некоторые бизнесмены из Германии.

Хорст Кепке говорил о человеке, мать которого была русской, отец – таджиком. Тридцать пять лет. Из них четыре года отсидел за вымогательство. И сейчас для него не лучшие времена – больше половины предприятий Душанбе стоит. А до войны Сарацин контролировал несколько государственных заводов. Под его опекой находилась и станция «Душанбе», то есть грузовые перевозки. Боксер. Особых успехов на ринге не снискал, зато продвинул пару боксеров, которые сейчас тренировались в Германии и уже успели провести несколько боев под эгидой Всемирной боксерской ассоциации.

– Финал играют двое.

- Что? – не понял Кепке.
- Финал играют двое, – повторил Шеель.

В этот раз помощник понял командира. И спросил, принимая спортивную терминологию:

– Тогда почему ты выбрал игру на выезде? Почему бы нам не подождать, когда Сарацин со своей бригадой приедет в Германию?

– Я военный человек, Хорст, и принимаю войну, которую мне объявили. Мы дадим бой здесь, и тогда охотники за чужими деньгами поостерегутся лезть на наши земли. Они будут биты здесь и призадумаются: а что будет там, на немецкой земле?

«Да, – ухмыльнулся Кепке, – разводила из тебя никакой, даже сказать толком об этом не можешь». И невольно содрогнулся: если уж командир не может толком объясниться на немецком, то как же его поймут таджики на русском?.. Шеель и большинство боевиков его бригады уже четыре года жили в Чехии и отлично говорили по-чешски. Шеель считал, что русский – сродни чешскому, и даже доказал это на практике: он нашел общий язык с русскоговорящими проводниками.

Кепке поостыл: командир не на олимпиаду полиглотов приехал, а устранять проблему. Главное, не то, как он говорит, а как быстро и точно стреляет.

Шеель не сказал правды о своей миссии даже главе «Дипкорпуса», с которым его связывали приятельские отношения. Беспредел, с которым столкнулся Шеель, здесь, на постсоветском пространстве, называли «крышеванием»; сам Шеель придумал для бандитских группировок заковыристое определение: административно-крышевое образование. После падения в 1989 году Берлинской стены вместе с немцами, подражая, однако, туркам, на немецкие земли хлынули криминальные элементы из России, Казахстана, Таджикистана; некоторые – маскируя свой интерес за спортом, привозя на соревнования боксеров-профессионалов, находя тренировочные базы. Ларс не стал раскрывать имя своего товарища, который попал под влияние душанбинской криминальной группировки, на то у командира были основания, и на них он строил далеко идущие планы. Шеель обалдел, когда услышал: «Ты знаешь, Ларс, я имею в Берлине свой бизнес, и вот недавно ко мне подошел человек и назвался Сарацином. „Теперь, – сказал он, – я крою твой бизнес, а ты будешь отдавать мне десять процентов с прибыли. Иначе секир-башка – и тебе, и твоим родственникам“. Дальше последовал вопрос при ошарашенных глазах: „Как же они на меня вышли?“ Шеель ответил на него легко: „Даже слепой кабан может найти желуди“.

Похоже, и Хорст Кепке думал в том же направлении, потому спросил:

– Ларс, ты не хочешь закрыть белые пятна в этом деле? Кто тот человек, за которого ты хлопочешь, а мы с твоей подачи – помогаем?

– Помочь ты можешь в другом деле: у меня огород не пахан, – отрезал командир. – Не задавай вопросов, Хорст, и это касается всех. – Шеель остановил свой колючий взгляд на каждом из боевиков. – Мы работаем не за еду, а за хорошие деньги. Не задавать вопросов, а попросту держать язык за зубами – один из пунктов договора. Другая причина, по которой я поставил подпись под договором, – это чертова саранча, «темно-серые» азиаты, которые взяли в оборот белого человека. – Шеель отнюдь не артистично выкатил глаза и резанул себя рукой по горлу. Сам он был смертным, но расистские убеждения поселились в нем навечно. – Я веду вас к цели. До этого вы не часто обременяли себя вопросами: зачем, почему. «Коричневый» ублюдок заявил права на моего... – командир выдержал паузу, неотрывно глядя на Кепке: – Ну, Хорст, заполни паузу, как ты просил закрыть белые пятна.

Кепке был вынужден повторить незаконченную фразу командира с самого начала:

– «Коричневый» ублюдок заявил права на твоего товарища.

– Не угадал, Хорст. Он заявил права на нашу *дойную корову*. Я вам немного приоткрою глаза на вещи. Наша «дойная корова» из Чехии, имеет свой бизнес в Германии, попала в лапы

таджикской бригады. Мы здесь для того, чтобы положить этому конец. Раз и навсегда. В логове врага. Это мое убеждение. И мой стиль. Хотя мне еще ни разу не доводилось работать с бикфордовым шнуром через плечо в самой Турции. А было бы неплохо. Человек может воевать за что угодно, даже за чистую слезу на щеке золотого ребенка. Кажется, так говорят англичане. Но я без раздумий готов броситься в бой за тонну золота. «Летучей мышью» улетела та пора, когда за самое маленькое жалование я был готов играть самые большие роли. Но давайте закроем эту тему, она для вас действительно сложна. Где вы остановились?

– В гостинице «Душанбе», – ответил Кепке, с видимым облегчением приняв решение командира поменять тему. И дальше заговорил бойко, как итальянец, жестикулируя, чего раньше за собой не замечал: – Это на проспекте Рудаки, там еще площадь есть. Встречу назначили за железнодорожным вокзалом. Мы изучили маршрут – тот же проспект заканчивается здесь, – Кепке топнул по асфальту, – на Привокзальной площади, дальше – через пути, к приличному тупику. Хорошее место для серьезного разговора. Это пеший путь, он же запасной. Мы приедем на встречу на машине – «Волга» называется. Представляешь наши машины, названные в честь рек? «Эльба», «Дунай», «Рейн», «Аллер». Это взамен «Мерседесов», «БМВ»...

– Не представляю, – отрезал Шеель, не разделяя телячьего восторга товарища. – Завтра вечером я познакомлю вас со своим проводником.

– А что будем делать сегодня?

– Сегодня будем искать ответы на завтрашние вопросы. Лично я предпочитаю искать их в отдыхе. Кстати, о белых пятнах. Они, Хорст, имеют названия. Это наши слабости. Мы их не видим, а другие видят очень хорошо.

Впервые за несколько дней, которые Шеель провел в Пакистане и Афганистане, он настоящему расслабился. Ему было необходимо восстановиться перед заключительным этапом операции, чтобы в обратном порядке проделать трудный путь. Снова на пути к дому вырастут горы, горные тропы, перевалы, ущелья, одна чужая страна сменит другую. Его не интересовала и эта азиатская страна. Для него она – полустанок на пути к дому и на пути к очередной цели. Имя. Он не сказал товарищам имя «дойной коровы», но придумал псевдоним. Он назвал его красиво – Координатор. И будет так называть его при всех. Остальные будут называть его «посредником» – с маленькой буквы.

В гостиничном номере Кепке, куда Шеель прошел в качестве гостя, его заинтересовала только кровать. Она манила его, и он с блаженством уступил. Растянувшись и улыбнувшись по-детски, он дал себе десять минут, которые и прошли в размышлениях и воспоминаниях о переходе через границу. Он и группа проводников находились уже на территории Таджикистана, сделали привал. Ларс Шеель не скрывал, что откровенно нервничал. Проводники, не поставив его в известность, прихватили с собой героин.

– Сколько лет за контрабанду наркотиков дают в вашей стране? – спросил он старшего группы проводников.

– Пятнадцать лет, герр Шеель, – ответил Сухроб Тохаров, коренастый, необычайно сильный таджик, который не расставался с автоматом ни на секунду. – Пятнадцать лет за убийство. Пятнадцать – за изнасилование. Пятнадцать – за кражу в особо крупных размерах. За драку можно получить пятнадцать суток.

– Ваши законодатели явно не обременяли себя цифрами. Я вижу их со счетными палочками в руках.

После трудного перехода следовало утомительное путешествие на поезде. Ларс сидел на нижней полке плацкартного вагона и посматривал наверх, где на багажной полке устроились грязные, но, слава богу, молчаливые дети. Полкой ниже вонял немывтыми ногами, грязными носками и, казалось Шеелю, нестриженными ногтями толстый таджик. Он не храпел, когда

бодрствовал. Надо ли говорить, что не бодрствовал он никогда?.. Немец был готов придушить его, но всякий раз наталкивался на взгляд Тохарова: «Спокойно. Скоро приедем».

Ларс ни разу не вышел в тамбур покурить. Ему казалось, его полку займут, и придется стоять вровень с вонючим пассажиром. И он нашел облегчение в мысли: «Хорошо, что этот поезд не идет в Германию. Я бы увяз в работе по уши».

Шеель уснул. Он дышал глубоко, но почти бесшумно, – привычка, ставшая постоянной со времен службы в армии.

В далеком 1967 году, когда Шеелю исполнилось двадцать, в бундесвере впервые появилось понятие «антикризисные силы». Он проходил службу в одном из егерских батальонов, обученных проведению спецопераций. Они были первыми, кто получал новейшие образцы оружия, а уже потом оно поступало на вооружение армейских частей. Кто-то видел в этом «опасную тенденцию раскола бундесвера на „первоклассные“ и „второклассные“ подразделения». Но ни Шееля, ни его сослуживцев «звездная болезнь» не коснулась. В армии он заразился горами, там же приобрел привычку носить с собой оружие. А когда впервые убил – и в этом ощутил силу.

«Волга»-универсал, которую предоставили землякам таджикские немцы, Шеелю понравилась. Он сказал:

– Здоровая, сука. Похожа на «Кадиллак». Отдаленно. Кто сядет за руль?

За руль сел проводник – капитально «обтаджиченный» немец, хозяин «Волги». Эта машина – все, что осталось у него. Даже на квартиру, в которой он проживал, наложили лапу местные бандиты. И наложили оригинально. «Хочешь продать квартиру и уехать? Мы купим ее за сто рублей. Больше тебе не предложит никто». И то была сущая правда. Бедолага сказал Шеелю так, что у командира мурашки по спине побежали: «Русским здесь житья уже никогда не будет». Шеель и Кепке обменялись взглядами: ничего себе, этот гибрид – ни немец, ни таджик – ассоциировал себя с русскими.

– Поехали к заводу бытовых холодильников, – распорядился Шеель.

– Завод стоит, – сказал наивный водитель. – Текстильный, шелковый, где я работал десять лет, кабельный заводы закрыты.

– Думаешь, я перешел границу для того, чтобы купить таджикский холодильник?

– Он подумал, что ты откроешь завод, – выручил Кепке.

Шеель сжалился над земляком.

– Я помогу тебе вернуться на родину, – пообещал он и про себя добавил: «Где ты никогда не был».

На территории завода не было никого, даже бродячих собак. После двадцати минут ожидания к воротам подъехала «Нива». Из машины вышел Сухроб Тохаров и приветствовал Шееля:

– Рад видеть тебя, герр Шеель.

– Когда ты успел обрадоваться? – встретил его Ларс мрачным взглядом. – И суток не прошло, как мы расстались. Я приехал за заказом.

Тохаров не стал болтать попусту. Он открыл багажник «Нивы» и развернул кошку. Приличный лоскут из верблюжьей шерсти скрывал много чего интересного, включая тротилловые пашки, детонаторы, саперные провода.

– То, что нужно, – одобрительно покивал Шеель, принимая от таджика пистолет-пулемет «хеклер» «MP-5» раннего выпуска с раздвижным металлическим прикладом и металлическим, с перфорацией цевьем. Однако магазин на тридцать патронов был изогнутый рожковый. Длина со сложенным прикладом – полметра. Вес – два с половиной килограмма. – Сколько единиц ты достал?

– Сколько ты просил, столько и достал, – ответил Тохаров. – Четыре штуки.

Шеель мысленно поправил его: «Ты достал столько, за сколько я заплатил». Ему пришлось раскошелиться за оружие немецкой фирмы. Его не прельщали российские «калаши», «макаровы», «стечкины». Из своего кармана командир не выложил ни копейки. У него был открыт приличный кредит от «дойной коровы», человека, которого он уже сегодня, не испытывая неловкости, что было заметно вчера, называл Координатором.

Ларс не опасался мероприятий, одно из которых было запланировано на сегодняшний вечер. Наоборот, он охотно шел на них и не считал отличными от рядовых терактов. Он не исключал возможности крупномасштабной войны с местными группировками. Может быть, придется взорвать машину или дом.

– Дитер, подойди сюда. – Когда Крамер приблизился, Шеель указал на подрывную машинку. – Думаю, ты знаком с такой штукой.

У Крамера был приличный стаж подрывных работ. Он минировал машины, жилые и производственные здания, а также стратегические объекты.

– Ага, – подтвердил он, словно взвешивая машинку на ладони. Вес ее удивлял: размером чуть больше кубика Рубика (12x11x7 сантиметров), она вытягивала на два с половиной килограмма. – Советская подрывная машинка «ПМ-2». Дает ток напряжением 120 вольт и силой в полтора ампера при общей длине проводов в один километр. На курсах подрывников мы подробно останавливались на этой теме. Я пару раз работал с этим типом машинки. Помнишь мост через Эмс, который после взрыва лишился пролета?

– Да, это классика, – прочувствованно сказал командир. – Помнится, в воду упал автобус с «приглашенными рабочими», царство им...

Пока командир «молился», Дитер Крамер осматривал саперные провода, шашки весом двести граммов, электродетонаторы. Все оказалось в отличном состоянии. Провода – без видимых нарушений изоляционного слоя. Шашки – без следов потеков на упаковке.

– Не думаю, что задержусь здесь надолго, – сказал Шеель, передергивая затвор пистолет-пулемета. – Впечатлений я уже нахватался, будет, что вспомнить на досуге.

Он и на взгляд, и по маркировке определил, что модель «хеклера», которую он держал в руках, была выпущена для военно-морских сил США: с двухсторонним предохранителем – переводчиком огня и дополнительным режимом стрельбы с отсечкой по три патрона. Афганский рынок наводнен оружием. Можно найти любую модель любого производителя. И все приграничные страны, так или иначе втянутые в военные конфликты или конфликты, связанные с наркотрафиком, в этом плане были маленькими афганскими филиалами. И стоило оружие недорого, можно сказать, что цена бросовая. За четыре пистолет-пулемета Ларс Шеель заплатил семь тысяч долларов. Он не знал, сколько наварил на этой сделке Тохаров, с которым он познакомился в «Дипломатическом корпусе», но не поскупился на чаевые, и одна тысяча из семи стала платой за услуги.

А вообще Шеель рассчитывал купить оружие в Пешаваре или Мазари-Шарифе, афганском городе, где он сделал однодневную остановку. Однако сопровождающий его Сухроб Тохаров сказал: «Оружие, которым ты интересуешься, найдем в Пяндже или Душанбе, на этот счет не беспокойся». И тогда Шеель спросил, не скрывая подозрения: «Ты боишься попасться на границе с оружием? Какой же ты тогда, к черту, проводник?» Ответом ему послужил громкий смех таджика. И только в горах он узнал правду: проводники, которым он заплатил, и его могли подвести под монастырь за контрабанду наркотиков.

Шеель отпустил Тохарова, когда оружие и взрывчатку перенесли в «Волгу»:

– Ты и твои люди должны быть готовы уже завтра тронуться в обратный путь. В восемь утра встретимся у гостиницы «Душанбе».

Он говорил с уверенностью человека, заглянувшего в завтрашний день. На его лице ни капли сомнений в успехе рискованного предприятия. Хотя он и трое его боевиков по большому счету бросали вызов целой республике, погрузившейся в братоубийственную войну. С другой

стороны, основное ядро «Красного спасения» маскировалось под беспорядки. И Шеель не мог не взять эти благоприятные моменты на вооружение:

– Поехали осмотрим место встречи.

По пути к железной дороге машину остановил патруль. То ли военные, то ли милиция в полевой форме, бронжилетах и касках. Водитель вышел из машины. Шеель едва не схватил его за рукав: «Куда! Сиди на месте, пристрелят!» К его удивлению, немца никто не застрелил. Патрульные ждали его на том месте, где взметнулся вверх полосатый жезл. Проверив документы, патрульный двинулся к машине, демонстративно поправляя автомат. Шеель машинально ответил на этот жест, коснувшись «хеклера», который лежал под сиденьем.

Патрульный приблизился и заглянул в салон. Его лицо было так близко, что Шеель мог попасть плевком ему прямо в черный зрачок.

– Документы, пожалуйста, – потребовал на русском постовой.

Шеель протянул, не глядя, руку назад и пощелкал пальцами:

– Бумаги, господа.

Свой паспорт он благоразумно оставил в кармане. Там не было таджикской визы, даже афганской, только пакистанская.

Он передал патрульному три паспорта, уверенно выдавая их за четыре – в надежде, что патрульный умеет считать только деньги, и прояснил ситуацию:

– Мы туристы. Из Германии. Немцы.

– А, немцы, – с хмурой улыбкой обрадовался постовой. Пролистав паспорт Мартина Вестервалле, добавил: – Да, похоже на то. – Он вернул документы. – Можете ехать. Не забудьте посетить Национальный музей древностей, мавзолей Айни, чайхану.

Шеель покивал с глупой улыбкой: «Обязательно. Как же без чайханы?..»

Продолжил тему, едва машина возобновила движение:

– Почему все экскурсии начинаются с древностей? Почему никто не додумался поставить во главу посещений что-то современное? Почему ни одна гадалка не спросила у клиента: «Хотите узнать прошлое?» Нет, всегда звучит один и тот же вопрос: «Хотите узнать будущее?» А что такое прошлое? Прошлое – это наши с вами анкеты, господа. – Шеель бесцеремонно повернул панорамное зеркальце так, чтобы видеть в нем отражение Вестервалле на заднем сиденье. – Вот ты, Мартин, был успешен в своей профессии?

– Что?

– С тобой все понятно. – Он отрегулировал зеркало и в нем увидел глаза Крамера. – А ты, Дитер, помогал другим и делил свои успехи с ними? А кто из вас лучшее время своей жизни провел с семьей? Может быть, ты, Хорст?

– У меня нет семьи, – ответил Кепке, глядя на отражение командира в зеркале и чувствуя себя идиотом. – Моя семья – это бригада.

– А, бригада, работа... – многозначительно покивал Шеель. – Ты многое узнал за пределами работы?

– А ты, Ларс? – сощурился и заиграл желваками Кепке. – Может, ты построил дом, посадил дерево, научился играть на скрипке?

– Я провел много сказочных отпусков. А однажды совершил кругосветное путешествие. – Шеель не дал Кепке вставить и слова. – У меня был знакомый психиатр, он в конце концов сошел с ума, когда написал книгу, но мог свихнуться раньше, когда начал осваивать скрипку. Так он однажды протестировал меня: «Представь себе, что тебе шестьдесят пять, ты хочешь поразмыслить о своей жизни». Я хотел было ответить, но «псих» не дал мне этого сделать. Он сунул мне под нос таблицу с готовыми ответами, с готовыми, вот в чем подлость, и сказал, чтобы я дал оценки и выяснил для себя самые важные жизненные приоритеты. В таблице было все: и посаженные деревья, и игра на скрипке, и румяные дети, и крепкое здоровье, и много-много сказочных отпусков, все то, чего у меня никогда не было. И это меня так задело, что я во

что бы то ни стало решил дожить до шестидесяти пяти и отметить в проклятой таблице честные ответы. «Лучшее время жизни я провел со своей семьей» – это нечестный ответ. «Я проводил со своими детьми, когда они были еще маленькими, столько времени, сколько я мог». Это тоже нечестный ответ. А вот что я отметил бы, так это то, что уже сказал: «Я провел множество скалочных отпусков. Я совершил кругосветное путешествие». Зачем я это сделал? Затем, что, по моему глубокому убеждению, кругосветное путешествие обязан совершить каждый человек.

– Начал ты, как говорят русские, во здравие, а кончил за упокой. Где логика?

– Логика во всем новом, в будущем, в обновлении. А прошлое – шелуха. Я свихнусь, если начну ворошить прошлое, заплачусь. Вот вам никогда не приходило в голову попросить прощения не за то, что было, а за то, что будет?.. Но вот, кажется, мы приехали.

И Ларс Шеель, заставивший в очередной раз переглянуться товарищей, вышел из машины.

Кепке ни с того ни с сего оправдал командира:

– У него впереди трудный разговор с бандитами. Он тренировался.

И снова почувствовал себя болваном.

Шеель осмотрел место предстоящей встречи и остался доволен. По сути своей это была закрытая с четырех сторон территория с одним выходом – через покосившиеся ворота. Здесь не было ни души, как на заводе холодильников, но вокруг этого места кипела работа. Отчетливо доносились усиленные громкоговорителями переговоры диспетчера и рабочих. Грохотали сцепки, свистели старые «кукушата» и ревели современные локомотивы. Это место называлось МЧ-3 и представляло собой железнодорожную нитку с двумя складами и рабочим вагончиком, огороженную по периметру железобетонным забором.

Шеель прошел пандусом, где стоял ржавый автопогрузчик, на площадку, заглянул на склад. Там ничего и никого, кроме груды поддонов и голубей, взмывших при появлении человека под крышу.

Ларс вышел наружу, прыгнул на площадку и осмотрел ее, дойдя до ворот. Он искал стреляные гильзы. Это место показалось ему идеальной площадкой для разборок и засад. Здесь один выход, который легко можно заблокировать грузовой машиной. Здесь грохот грузовых составов, за которым и со ста метров не услышишь звуков выстрелов. Другой вопрос, стоит ли маскировать стрельбу, когда вокруг тоже стреляют.

И он нашел следы, которые подтвердили его правоту. Он походил на шерифа из американского вестерна, когда присел на корточки и поднял с пыльной дороги гильзу. На нем были остроносые ботинки со скошенными каблуками, джинсы с широким ремнем, клетчатая рубашка. В номере его дожидался деловой костюм, который он упорно тащил через две границы. Костюм хранился в специальном чехле, на плечиках, и фактически не помялся за время пути по бадахшанским тропам.

Гильза, которую он поднял с земли, когда-то была патроном калибра 5,45. Шеель отчетливо представил автомат, который перемолол 39-миллиметровый патрон: «АК-74». Неподалеку нашел еще несколько гильз. По крайней мере однажды здесь пролилась кровь. Кто-то по неосторожности попался в ловушку.

Не меняя позы, командир подозвал Крамера:

– Дитер, иди сюда. Осмотрись здесь хорошенько и приступай к работе. – Отметив время, добавил: – Возьми в помощники Мартина. У вас есть три часа. Машину с территории склада выгнать. Хорст и я посторожим снаружи.

Шеель подошел к машине, вынул из-под сиденья пистолет-пулемет и кивнул Кепке:

– Пойдем.

Хорст Кепке к этому моменту «дозревал», как и товарищи, оглядывая арену-склад, причем – глазами своего командира и с сопутствующим вопросом: все ли учтено, найдена ли

середина. Если спросить у Шееля, тот скажет: «Преувеличить опасность – значит, рисковать вдвойне».

Вестервалле и Крамер прихватили с собой взрывчатку, провода, детонаторы. Водитель сел за руль и выгнал машину за пределы склада.

Прошло два часа. Крамер, уставший и вспотевший за это время, не скрывал, однако, удовлетворения на лице, которое не было достаточно мужественным для террориста:

– У меня все готово.

– Отлично, Дитер, – похвалил его Шеель. – Тебе придется остаться здесь. Не думаю, что наши визави догадаются проверить свою мышеловку, и все же. Найди укромное местечко. Что делать дальше, ты знаешь.

– Прихватите мне поесть, – сказал Крамер.

– Зачем? – удивился командир. – После переговоров мы сразу же закатимся в ресторан, там и поешь. Да, и вот еще что. Приберись здесь. Чтобы не было видно *множества* следов обуви, – акцентировал он. – Пусть они увидят следы двух человек. И пусть видят то, что мы им показываем: мы ни рыба ни мясо. И мы заставим противника немного понервничать. Приедем с опозданием.

...Спустя сорок минут к складу подъехал устаревший, однако не потерявший боевого вида «Ниссан Патруль». Дверцы открылись, выпуская четырех парней, вооруженных автоматами. В рубашках и майках с короткими рукавами, в черных джинсах и спортивных штанах, они вошли на территорию склада. После беглого осмотра складских помещений и территории старший доложил по телефону:

– На склад приезжала машина. Кто-то немного наследил здесь. Пара-тройка человек, не больше. Все сходится.

– Оставайтесь там.

Дитер Крамер в это время держал боевиков на мушке своего «хеклера». Он занял такое место, где походил на ласточку в человеческий рост или вампира в натуральную величину: на широкой балке перекрытия крыши. Его согнутые в коленях ноги, которыми он опирался о стойку, были параллельны подкосу. Стропильная система крыши маскировала его так надежно, что он позволил себе отсалютовать бригаде Сарацина двумя пальцами, поднесенными к брови. Он видел большую часть складского помещения и двора, включая ворота, в проходе которых словно застрял «Ниссан». Но больше всего Крамер, используя естественную маску, походил на паука в центре паутины. К нему сходились провода от трех взрывных устройств, установленных в разных частях склада. Он провел саперные провода к наблюдательному пункту так, что, по его же определению, и сам не смог бы отыскать.

Подрывную машинку он пристроил под откосом, ориентируясь на дыру в крыше, которая стала слуховым окном: он услышит сигнал если не через распахнутые настежь ворота склада, то через эту брешь.

Только при встрече двух бригад, одна из которых была из дальнего зарубежья и внесена правительствами многих стран в список террористических организаций, стал понятен тонкий замысел Шееля, выбравшего немецкое оружие. Без всякого преувеличения оно в руках немцев выглядело гармонично, а точнее, боевики и оружие выглядели одним целым, что нельзя было бы сказать, окажись у них в руках «калашниковы». Похоже, это заметили и боевики Сарацина.

Немцы приехали на знакомой уже «Волге». За рулем сидел Хорст Кепке. Хозяина машины высадили за двести метров от «театра боевых действий», и он, откровенно недоумевая по поводу спокойствия соотечественников, несмело помахал им вслед.

Первым из машины вышел Ларс Шеель. В черном деловом костюме, голубоватой рубашке и тщательно подобранном в тон к ней галстуке, с новым пистолет-пулеметом в опу-

щенной руке, он смотрелся более чем стильно. Прическа – волос к волосу. Местный парикмахер потрудился над его бородкой, которая в его умелых руках превратилась в элегантную эспаньолку.

Вслед за командиром из машины вышел Вестервалле. Он носил длинные волосы, которые прихватывал на затылке резинкой, на встречу же явился с распущенными волосами. У Кепке также были длинные волосы, но не до такой степени. Он покинул салон «Волги» последним и расстегнул «молнию» на короткой кожаной куртке. Что он хотел сказать этим жестом, осталось загадкой даже для него.

– Ты Сарацин? – спросил Шеель, кивком головы указав на таджика весом под полтора центнера.

– Ага, – также на русском ответил тот. – А кто ты, брат?

– У меня нет братьев, – внес полную ясность Шеель.

– Так кто же ты?

– Я гвоздь сегодняшней вечеринки. Вопрос, который я намерен обсудить с тобой, всего один. Ты должен забыть человека, на которого наехал, раз и навсегда.

– На это я обычно отвечаю: «Лучше я умру».

– Это можно устроить. – Шеель позволил себе улыбнуться.

Сарацин недоверчиво покачал головой. Обернулся и поймал такие же недоуменные взгляды еще десяти человек.

Он походил на киношный образ младшего члена мафиозной семьи. Белая майка под расстегнутой рубашкой навыпуск. Ленца во взгляде, а сейчас еще и капелька озабоченности нестандартным поведением немца. Оттого разговор вылился в другое русло, незнакомое Сарацину, и он сразу не смог вернуть его к началу. Однако только это и побеспокоило его. У него не возникло сомнений в том, в чью пользу завершится это противостояние.

– Кто-то из нас чего-то не понимает, – сказал он. – У тебя есть предложения? Может, ты хочешь разделить бизнес...

Ларс громко цокнул языком.

– Обойдемся без имен и дележа. В стране, где я родился, люди не продаются.

– Я узнавал – в «Душанбинке» зарегистрированы три человека: – Сарацин остановил свой пронизательный взгляд на каждом немце: – И вас трое. Все верно. Или я чего-то не знаю. Мне этот разговор не по душе.

Шеель и Сарацин смотрели друг другу в глаза. В этом плане командиру «Красного спасения» было намного легче, чем его подчиненным. Кепке и Вестервалле приходилось разбрасываться на десяток боевиков, вооруженных «калашниковыми». Однако глаза их не бегали. Кепке вообще быстро нашел выход, отыскав одну пару глаз и сосредоточив на них внимание. Он уже точно знал, что положит этого здоровенного парня первым. Может быть, он стрелял хорошо, но Кепке стрелял просто здорово. Если бы ему, словами голливудских боевиков, платили по доллару за каждую пару глаз, в которые он смотрел безбоязненно, он был бы миллионером.

Кепке слушал своего командира уже вполуха («Я дам вам возможность уйти на сто метров, не ближе. Иначе достану вот этой штукой»), но различит в его голосе интонации, которые и станут сигналом к началу. Началу чего? Началу всего. Высвободившихся взвизгнувшей тетивой нервов, треска автомата, гортанного выкрика. Началу конца. Об этом знали четверо немцев, но нимало не догадывались таджики.

...Кепке стрелял здорово. У него будет несколько мгновений форы. Пожалуй, он пожертвует частью этого ничтожного отрезка, который, однако, даст ему возможность насладиться своим преимуществом, и уже потом нажмет на спусковой крючок.

Командиру надоел этот беспредметный разговор. Он был человеком действия, а беседу затягивал для того, чтобы создать Дитеру Крамеру комфортные условия. У подрывника могла

случиться заминка, и на исправление уйдет время. Но вот оно в понятии Шееля вышло, и он, глядя в глаза Сарацину, сказал ключевую фразу – сигнал к активным действиям:

– Напомни, как тебя там?..

Таджики вздрогнули и разом, как будто сто раз репетировали, пригнулись, затем обернулись на звук взрыва. Немцы же не шелохнулись, словно были глухонемыми или роботами. Шеель даже не моргнул. Но заморгал часто-часто, в такт застучавшему затвору «хеклера», когда придавил спусковой крючок.

А Хорст Кепке сдержал обещание, данное самому себе, и наслаждался моментом. Его визави, стоя одной ногой в могиле, руками заслонялся от автомата, смотревшего ему точно в грудь. Он забыл про свое оружие, как только позади него грохнул тротил, и смотрел на оружие противника.

Кепке перенял у командира странноватую манеру. Если ему приходилось добивать «подранка», он обязательно говорил: «Ты ранен? Как же так... Надо было пригнуться». И нажимал на спуск.

Кепке, выбрав форсированный режим ведения огня, дважды нажал на спусковой крючок, и шесть пуль нашли свою цель. Дальше он повел стволом пистолет-пулемета, доставая очередного противника. Тот быстро выходил из ступора и был готов ответить огнем. Но ему снова помешал Дитер Крамер. Не слезая со стропил, он опять привел в действие подрывную машинку, и ток бойко побегал по проводам. Взрыв. Очередная очередь из «хеклеров».

И только сейчас, когда третий взрыв стал «третьим лишним», когда на место встал запасной магазин, Шеель начал смещаться в сторону. Он уходил с линии огня и поводил стволом в обратном направлении. И не отпускал пальца со спускового крючка. Он прекратил огонь, когда в магазине осталось не больше пяти патронов. Вдыхая пропитанный пороховым дымом воздух, командир перевел флажок на одиночный и, прицелившись в Сарацина, сделал к нему один шаг, другой.

Сарацин стоял на коленях, опершись о землю одной рукой. Вторая, простреленная в плече, висела окровавленной плетью. Но он не походил на жертву, а скорее, наоборот, виделся палачом, который только что вынул руку из груди жертвы, выдирая сердце. И не справился с эмоциями, рухнул на колени, был готов в любой момент хватануть широко раскрытым ртом воздух, а затем вытолкнуть его в экстазе, получив полное удовлетворение.

Шеель подошел к нему вплотную и толкнул ногой в плечо. Сарацин упал. Командир снова, как и минуту назад, цокнул языком:

– Ранен? Как же так... Надо было пригнуться.

Он прицелился Сарацину в голову и добил его двумя выстрелами. И – опустил оружие. Словно был один, а вокруг не свистели пули, не скопировал командира его заместитель. Он вынырнул из скоротечной горячности боя так, как будто оставил место за игральным автоматом.

Шеель исправился и с лихвой отблагодарил Дитера Крамера, поприветствовав его:

– Здравствуй, Дитер! Отличная работа.

Крамер расплылся в улыбке.

Стрельба прекратилась. Кепке и Вестервалле прошлись вдоль тел, фиксируя на каждом оружие. Присоединившись к товарищам, Дитер, привлекая внимание командира, поднял средний палец, означающий у немцев победу. Шеель степенно улыбнулся. И вслух добавил:

– Я знаю.

Водитель «Волги» успел занять место за рулем, как и распорядился Ларс Шеель, и развернул машину к складу – задом, к выезду из этого тупика – передом. Он поглядывал в зеркальце заднего вида и в любой момент был готов утопить педаль газа в пол. А когда увидел в зеркале земляков, высунулся из окошка: все четверо были живы, шли одной шеренгой и не помещались в зеркале.

По приказу Шееля оружие осталось на месте перестрелки: немецкие «шпаллеры» – не зацепка. К тому же «Красное спасение» отработало в своем стиле: прибыли впритык, убьели в последнюю минуту, что являлось важным пунктом эвакуационных мероприятий. Кепке, Вестервалле и Крамер выписались из гостиницы. Самолет, следующий рейсом в Прагу через Москву, вылетал через полтора часа ровно. Когда его шасси оторвутся от таджикской земли, колеса поезда застучат по рельсам, унося Ларса Шееля к афганской границе. Боевики ступят на чешскую землю, а командир на афганскую, когда «немецкий след» прозвучит как одна из версий.

3

Шеель встретился с одобрительным взглядом Сухроба Тохарова. Они молча пришли к обоюдному соглашению: таджик не задает вопросов, немец не отвечает на них. Шеель еще раз убедился, что в любой стране мира новости распространяются со сверхзвуковой скоростью.

– Твои люди отдохнули? – спросил он.

– Я не спрашивал, – ответил Тохаров. – А надо было?

– Нам придется идти быстро, но так же осторожно. Усталость и бдительность несовместимы – об этом я хотел сказать.

Он говорил по-русски, но все равно выходило по-немецки, как через переводчика.

Этот короткий разговор состоялся в вагоне поезда. Шеелю показалось, пассажиры не выходили из вагона, а ждали, когда иностранец покончит с делами и вернется, чтобы тронуться в обратный путь. Все те же дети, чья взрослая невозмутимость удивляла; все те же взрослые и желание Шееля лишиться обоняния. Все та же «железка» общей протяженностью пятьсот километров, замыкающаяся, казалось, на «восьмитысячнике» Пяндж. Ларс многое отдал бы за то, чтобы этот городишко, напичканный пограничниками, имел не восемь тысяч жителей, а восемь тысяч метров в высоту.

Под стук колес Шеель задремал. Проснулся от резкого толчка – поезд остановился. Немца посетила дикая мысль: на дозаправку. И – другая нелепица: он хлопнул себя по бедру, проверяя, на месте ли автомат. Он не мог вспомнить, что ему снилось, но оружие во сне присутствовало точно. Не горячее от стрельбы, но теплое от соприкосновения с телом. Привычно тяжелое и надежное. Эти «теплые» мысли вызвали кратковременный озноб: до чего же все было реально.

Еще никогда Шееля не тянуло так домой, в чешский Жатец, место, которое он исподволь называл второй родиной. Но сколько станций и полустанков придется пересчитать, пересидеть, пережить, прежде чем он перешагнет символическую границу базы, на воротах которой до сих можно было прочесть: «Дом рыбака. Управление Государственной Безопасности. г. Жатец».

Дорога, усеянная острыми пиками рубежей.

Шеель, забегая вперед, представил себе встречу с Клаусом в Пешаваре. В офисе «Дипкорпуса» он односложно отвечает на его вопросы – как все прошло, как там земляки, как там «задание партии». Ему интересно? Ничуть. Это бизнес. Хороший бизнес там, где тебя нет? Наверное, лишь в одном случае: если это место – Антильские острова. Исключая Кубу. А почему, собственно, исключая? Командир «Красного спасения» не раз получал приглашения высших руководителей Острова свободы укрыться там «от бурь и невзгод». Это было единственное социалистическое государство в Западном полушарии и единственное место на планете, где Шеель на сто процентов был свободен. Странно, подумал он, ведь запах свободы витает над всей Европой и Америкой, а настоящая свобода для таких, как он, отщепенцев, там, где свободой и не пахнет.

Он понимал, что вот сейчас больше отвлекался от назойливых мыслей, неоправданно торопил время. Хотя оно и так бежало – не догонишь. Позади Пяндж, а впереди знакомые уже тропы и перевалы, горные вершины. В руках автомат Калашникова, тот самый, с которым он перешел границу. Оружие дождалось на окраине города, в преддверии ключевых событий. Там, где валуны превосходили все мыслимые размеры, где и так еле приметная тропа все время пропадала из виду, их поджидал «уазик» с мужиком лет сорока; то ли бритый таджик, то ли обросший русский, то ли просто неопрятный немец, вывел Шеель странноватую формулу.

Ларс машинально повторил за проводниками, которые проверили оружие: передернули затворы, взвесили на ладонях рожки. И тут вдруг понял, что не смог бы командовать этими

людьми, которых до сей поры называли «басмачами». Над ними мог стоять такой же «басмач». Вот в чем все дело.

Он смотрел вслед пыльному облаку, которое перемещалось и росло, а внутри него – невидимая машина со странным названием «УАЗ». Когда Шеель произносил его вслух, у него невольно округлялись глаза, как у заговорщика.

Из задумчивости его вывел голос Тохарова:

– Заснули, герр Шеель? Или хотите повернуть?

Можно было не отвечать, но Шеель сказал:

– Я иду.

Пройдя несколько сотен метров, Ларс обрел прежнее равновесие. Теперь его не тревожили мысли о доме, он не торопился в Жатец. Под ногами горная тропа. Он дышит с заметной натугой, как будто выкурил пачку сигарет. Такое состояние было ему хорошо знакомо. Нужно привыкнуть к разряженному, словно высушенному воздуху, а точнее – не замечать его. Не жить очередным привалом, как это делают новички, смотреть не только под ноги, но и по сторонам, впитывать в себя красоты гор, высматривать до слез в глазах орлов, парящих на недосягаемой высоте, насмехаться над ними, стоя на высоте, недоступной даже для них. Незаметно такие мысли прогоняют панические настроения, дышится пусть не легко, но свободно, так, как и положено на такой высоте, и, понимая это, ты говоришь себе: «Да, я справился». А дальше начинаешь фантазировать. Кажется, что и сердце перешло на иной режим.

– Так сколько дают за контрабанду наркотиков в вашей стране?

Это были последние слова Шееля, произнесенные с оживлением, и, что важнее всего, произнесенные на русском языке. Дальше командир «Красного спасения» перешел на немецкий, взяв командование группой проводников на себя. Если бы не он, пограничники накрыли бы всех плотным огнем. Он увел за собой проводников, отстреливаясь из «калашника», по едва приметной тропе, стелящейся по дну расселины. Он не слышал, что кричит позади него Тохаров, который, как и Шеель, от волнения перешел на родной язык. А Шеель по-таджикски не понимал. Он понял все, когда очутился на плато, как на вершине горы, а один из проводников, не мешкая, занял позицию и отрезал пограничников длинной очередью из пулемета.

Тохаров раздул ноздри и стукнул себя кулаком в грудь:

– Я проводник.

– Тогда принесите мне свежую постель, – моментально отреагировал Шеель. Он понял все, окинув опытным взглядом эту местность. Как и положено плато, оно было окружено не только пограничниками, но и четко выраженными уступами. И выход отсюда, судя по всему, был только один. Именно его блокировал, как нельзя кстати, пулеметчик.

Тохаров снова было открыл рот, но Шеель перебил его:

– Я все знаю. Еды и питья у нас на пятнадцать суток. Героина у вас пятнадцать килограммов, и на нем мы продержимся не больше пятнадцати дней. Но до того с вертолета на нас сбросят пятнадцать бомб. Что за противная цифра!

– Они узнали меня, – скрипнул зубами Тохаров. – Засада была слишком близко к тропе, и пограничники разглядели мое лицо.

– Что это значит? Теперь они нашлепают ваших масок?

– Живыми они нас брать не станут – вот что. Я в розыске.

Шеель хмыкнул:

– Ну и что? Я тоже в розыске. Сколько душ вы загубили, любезный?

Немец быстро сбросил с себя нервозность.

– Я не новичок в горах. Давайте думать, как выбираться из капкана. Кроме этого, – спросил Шеель, указав на заблокированную тропу, – отсюда есть выход?

Вместо ответа Тохаров указал на небеса.

– Сильно сомневаюсь, – сказал ему Ларс.

Плато представляло собой миниатюрную равнину с травяным покровом из костры, парнолистника, мака. По краю западного склона, усыпанного камнями, протянулась лощина. По северному краю, за которым чернел крутой обрыв, выросли яблони, фисташки и туркменский клен.

То, что нужно, подумал Шеель. Во время экспедиции в Непальские Гималаи ему с товарищами приходилось наводить мосты, сооружать перила по краям расщелин и террас с крутыми склонами, и для этого альпинисты использовали сосны, которых было в избытке неподалеку от базового лагеря. Западная часть этого плато, по мнению Тохарова, была непригодна для спуска – на шумишь. И пограничники знают об этом. А все потому, что среди них нет опытных альпинистов. Проводник – далеко не альпинист, как и альпинист – не скалолаз. Здесь много тонкостей.

Шеель обнажил мачете и подбежал к лощине. Первым сдался ствол бухарского миндаля.

Тохаров понял немца и метнулся было к кленам, но Шеель остановил его. В этот раз он проявил себя как военный тактик:

– Не трогай клены. Их верхушки видно с площадки, склона и основной тропы, где сейчас рассредоточились пограничники. Руби орешник, очищай его от ветвей, стволы складывай в кучу. Пока пограничники не вызвали подкрепление, мы должны успеть наладить переправу.

Он мешал русские и немецкие слова, но таджик хорошо его понял.

Двое проводников остались на огневых позициях, остальные, включая Шееля, стараясь не шуметь, валили орешник.

В представлении немца «переправа» выглядела длинной лестницей с частыми перекладинами, состоящей из множества звеньев. Первая задача – подготовить эти звенья, по сути своей готовые лестницы, которые лягут на камни и не дадут им скатиться, но позволят людям спуститься по ним и выйти засаде за спину, уйти от нее, а в крайнем случае – неожиданно ударить в спину.

Длина склона составляла порядка семидесяти метров. Высота стволов орешника не превышала трех. Придется соорудить больше двадцати звеньев, используя вместо гвоздей лоскуты одежды. Другого пути ни местные проводники, ни Шеель не видели. И дело не только в шуме, который привлечет на эту сторону пограничников, а в самой осыпи. Камни могут осыпаться на середине пути, а масса, которая последует за ними, будет называться камнепадом.

Шеель дал волю чувствам. Он выругался, проклиная в первую очередь таджика, который напоролся на патруль. На то он и проводник, чтобы знать не только маршруты пограничников, но и расписание. Они же не могут круглые сутки лазать по горам. Шеель и Тохаров мало общались, и наблюдательный немец сделал единственно верный вывод: это безнаказанность привела к столь плачевному результату. Удачные переходы через границу наслоились один на другой, вот по этой твердой почве и шагал Тохаров. Возможно, пограничники намеренно пошли на этот оригинальный ход, усыпив бдительность неуловимого таджика.

Шеель содрогнулся от одной только мысли. Не заметь он этого прохода на плато, внизу завязался бы бой, и пусть даже силы были равны. У Тохарова сработала моторная память – он не полез в ловушку, а Шеель, не зная о ней, посчитал этот путь спасительным. Но он подарил всей группе шанс – не бог весть что; по нему также можно было судить об ограниченных мозгах таджика. И вот сейчас Шеель снова поднимал планку представившейся возможности на приличную высоту, не давая Тохарову прорываться из кольца с боем.

И снова немецкий альпинист подал пример, сорвав с себя куртку и располосав ее ножом на лоскуты. Нарезав из веток перекладины, привязал к жердине первую из них. И поторопил Тохарова:

– Почаще, почаще вяжи перекладины. – И снова выругался. Он так мечтал о горах, а когда поднялся в горы, то вдруг не обнаружил при себе элементарного молотка, крюка, похожего на штопор, карабина, репшнура, да что там карабины и страховочные шнуры – не было даже

простой веревки. Впервые он поднимался исхоженными тропами, но с завистью смотрел на неприступные скалы, на облака...

Он, натурально ляпая лестницы из стволов орешника, жалел о легкой лестнице из нержавеющей стали – перекладины на стальном тросе, легко сматывающейся в бобину. Он представил, как отпускает бобину из рук, и на глазах происходит чудо – готовая переправа...

Глава 2

2 сентября 1993 года – 11 февраля 1994 года

1

Справка

о специальной операции по ликвидации главаря бандформирования Сухроба Тохарова.

2 сентября 1993 года, согласно личному распоряжению начальника оперативного управления и агентурному сообщению, личный состав оперативно-боевой группы на автомобиле «ГАЗ-66» выдвинулся в район проведения спецоперации с целью захвата С. Тохарова и лиц его ближайшего окружения.

После проведения рекогносцировки и дополнительной информации от командира погрангруппы приступил к осуществлению захвата вышеуказанных лиц.

Распределил личный состав отделения на подгруппы. Два снайпера и два пулеметчика осуществляют блокирование возможного выхода членов бандформирования с высоты, занятой С. Тохаровым и его боевиками, с задачей в случае огневого контакта подавить огневые точки противника до выхода штурмовой группы из зоны обстрела. Вторая подгруппа, также состоящая из четырех человек, получила задание обеспечить безопасное проникновение штурмовой группы на высоту. Штурмовая группа в случае сопротивления получила приказ уничтожить С. Тохарова и находящихся с ним лиц.

В 17.45 две подгруппы заняли места согласно распоряжениям. В 17.55 на ключевую позицию выдвинулась штурмовая группа...

Майор Рогозин еще по пути к месту проведения операции, которое он в рапорте обозначит как район, предугадал события и в этом ключе думал о подлоге как мере необходимой и зачастую обыденной. Штурмовая группа в его представлении «усохла» до одного человека. Просто он знал район, где укрылись боевики Сухроба Тохарова, как свою квартиру. И в этой связи дополнил: квартиру, которую он сдал квартиранту. «Квартиросъемщика» звали Сергей Курочкин. Из всей группы егерей лишь он один свободно поднимался на плато как по горной расселине, так и по вертикальному монолиту.

После затяжных спусков и подъемов по горному серпантину машина остановилась у блокпоста, который представлял собой охраняемый шлагбаум. Одеты в бронежилеты и «сферы» (в связи с обострившейся обстановкой в республике) военнослужащие внутренних войск и пограничники столпились у заднего борта грузовика. Больше всего прибывшая группа вызвала интерес среди пограничников. Они редко контактировали с егерями, а патрулировать вместе границу доводилось всего несколько раз.

– Здорово, Саша! Давно не виделись. Как доехали? – спросил капитан Максумов, за руку здороваясь с Рогозиным.

– Привет! Нормально доехали. По пути ни одной машины не попало, а такое чувство, что плелись в пробке, бампер в бампер. Подъем – спуск. Спуск – подъем. Голова кругом. Как будто не из Пянджа ехали, а из Душанбе. Если бы водитель был не из моего подразделения, я бы пристрелил его, – пошутил майор.

Он стукнул в борт машины:

– Выходим, парни.

Егеря были одеты в обычную полевую форму без знаков различия. Вооружены «калашниковыми» с приборами беспламенной и бесшумной стрельбы. Егерское подразделение комплектовалось призывниками. В охране границы они не участвовали. Их использовали как «мобильный резерв командования» для решения специальных задач. Это подразделение егерей негласно называлось Икс-группой.

– Десять человек вместе с тобой, – посчитал Максумов. – Срочники?

– Да, – кивнул Рогозин. – У меня есть знакомый – подполковник, заместитель командира мотострелкового полка. Так вот он рассказывал: «Срочники, эти мальчишки, не знали страха, у них он просто еще не сформировался. Мне приходилось их бить по затылку, чтобы пригибались в окопах». Вот и с моими так же. А сколько твоих на месте? – Рогозин указал рукой в сторону дороги, уходящей в горы. Крутизна ее составляла сорок градусов. Предел для танка. Машина может подняться, но рисковать не стоит. Майор поднимался по этой дороге, которая через двести метров сужалась до тропы, не один десяток раз. Наркокурьеров здесь пропасть. Ледники и снега начинают в горах таять, так эта нечисть просачивается по хребтам, перевалам и тропам с грузом на территорию Таджикистана. Здесь идет гражданская война, только российские военные по привычке называют это конфликтом. Он вспыхнул, когда выходцы из отдаленных районов «поддались влиянию фундаменталистских исламских идей». Бандформирования прорывались через границу в направлении Пянджа и Тавильдары, вырезали целые поселки. Год назад боевики Движения исламского возрождения Таджикистана предприняли попытку массового прорыва на равнинных участках границы – где Московский и Пянджский погранотряды, чтобы доставить оружие и боеприпасы в районы боевых действий. С той поры начались регулярные обстрелы погранзастав и нарядов, предпринимались попытки захвата погранзастав.

Присутствие российских спецподразделений в независимой республике было реализовано на основе двустороннего договора между Россией и Таджикистаном, где были определены задачи и полномочия российских подразделений. «Глобальная» задача – «создание вдоль таджикско-афганской границы зоны мира».

– Двадцать человек успели перебросить, – ответил Максумов. – Да под рукой полста – из гражданского населения. Если сказать «на всякий случай», значит, ничего не сказать. И «пожарный» сюда не воткнешь. Ну что, пойдём?

– Да, пора двигать. – Майор пропустил вперед командира отделения сержанта Камбарова. За ним поспешили остальные егеря.

– Местных «духов» называем религиозными экстремистами – язык сломаешь, – продолжил разговор Максумов, вышагивая рядом с майором. Майор – русский, в курсе здешних проблем, которые собрались, как морщины на лбу старца, но проникнуться, что ли, глубиной проблемы мог только местный. Так считал Максумов. Отсюда и его недоверие к русским егерям. По его мнению, в горах не место военным из российской глубинки, хотя большинство офицеров-пограничников окончили российские военные училища. Куда эффективней отряды самообороны, батальоны и полки из таджиков. – Радикалы-фундаменталисты прорываются с Афгана. Занимают, сволочи, такие позиции, что выбить их можно только огнем из танков и пушек. А их еще надо втащить на высоты. А высоты порой до трех тысяч, склоны зава-

лены камнями. Для танка дорогу бульдозерами расчищать надо. Мы научили афганцев воевать. Некоторые не мыслят для себя иного способа существования. В Таджикистане, Узбекистане, Киргизии столько оружия, боеприпасов, денег, что взорвать республики изнутри особого труда не составит. Если их не сдержат, бои перекинутся на Поволжье.

– Говоришь, Тохаров с боевиками на плато залез? – переменял тему Рогозин. – Я знаю Тохарова. Его нужно обыгрывать, сам он ничего не отдает.

Максумов посмотрел на Рогозина так, словно тот только что сошел с экрана в виде красноармейца Сухова. И про себя заметил: «Здесь тебе не кино». И все же высказал свои мысли вслух:

– Здесь тебе не кишлак и не восточный музей. А Тохаров – не Абдулла. Его через трубу не возьмешь. У него пулемет.

Рогозин рассмеялся. Максумов плюнул с досады: все-таки сбился на красноармейца.

За беседой время в пути пролетело незаметно.

За сотню метров до подъема на плато группу остановили дозорные. Обменявшись с егерями приветствиями, они дали расклад на положение вещей.

Фактически за четыре часа обстановка в районе не изменилась. Тохаров и четверо его боевиков по-прежнему заперты на плато. По-прежнему действует приказ обезвредить бандитов малой кровью, малыми силами, не вызывая шумиху даже в горах. Шумиха больше на руку бандитам. Ради этой цели порой и переходят границу «духи», поднимаются в горы и завязывают боестолкновения с пограничниками местные боевики. Одним словом, бить нужно было сильно, но аккуратно, как требовала классика.

Егеря обошли простреливаемый участок стороной, преодолев покатый склон, усеянный камнями, – морена в миниатюре и осыпь по сути своей. Но под ногами спецназовцев не покатились вниз ни один камень.

Они вышли к вертикальной скале высотой тридцать метров. Ниже скалы, глубоко под ее подошвой, заняли позиции стрелки Максумова, вооруженные ручными пулеметами Калашникова, и держали, как это ни покажется странным, высоту снизу. Это стало возможным в связи с немногочисленностью бандгруппы Тохарова. Его пулеметчик и автоматчики были сосредоточены в одном месте, самом важном в стратегическом плане: на выходе из плато. А выход – это дорога в расщелине, почти прямая и отлично простреливаемая. То был жизненно важный путь для Сухроба Тохарова. Пограничники загнали его на равнину с крутыми склонами и уступами, захлопнули дверь, а замки закрылись с двух сторон – пограничниками и бандитами.

Это называлось осадой. Но дело не в том, сколько продержатся боевики, пока не опухнут с голоду, а в терпении армейского начальства. А терпение лопнуло, едва натянувшись. Майору Рогозину дали двадцать четыре часа на устранение проблемы, которую он назвал мухой в супе начальства. Рогозин в Пяндже заикнулся было насчет вертолета: мол, неплохо было бы ахнуть огневыми средствами «двадцатьчетверки». Но привлечение к операции боевого вертолета раздуло бы значимость банды Тохарова и превратило бы этот регион в «маленький Афган». То есть, по большому счету, речь шла об откате назад, к «мосту дружбы», по которому был выведен из Афганистана ограниченный контингент советских войск.

Майор Рогозин с полвзгляда оценил ситуацию. Еще раз уточнил у Максумова:

– «Духов» точно пятеро?

– По головам посчитали, когда гнали их на плато.

– Откуда получена информация о попытке нарушения границы?

– Из агентурного источника, – сказал Максумов тоном: «Откуда же еще?» – В этот раз, насколько мне известно, источник – стукач.

– Все источники стукачи, – заметил Рогозин. – Кто-то имеет зуб на Тохарова?

– Или на кого-то конкретно из его банды.

– Точно?

– Так мне дали понять. Ты же знаешь, Тохаров не брезгает ничем. Год назад он со своими головорезами напал на кишлак, убил восемь человек, среди них – две женщины и два ребенка. По нашей информации, он тесно связан с пакистанским лагерем «Ансарадион», где готовят боевиков. Берется за любую грязную работу. Может пойти проводником, может – наркокурьером. Но чаще всего он переходит границу как наемник. Вонючий пес.

– Значит, с ним четверо. А всего – пять.

– Один вооружен «РПД».

– Точно «дегтяревым», не «калашниковым»?

– Хамраев! – негромко позвал подчиненного Максумов. Когда подошел лет двадцати рядовой, повторил вопрос майора.

– Глаз – алмаз, – улыбнулся таджик. – Я на слух отличу «РПК» от «РПД», а так – глазами смотрел. Жалко, не попал из своего автомата.

– А говоришь, глаз – алмаз. Ладно, иди, мазила.

Рогозин открыл планшетку, где поверх карты лежали чистые листы бумаги. Набросав простенький план, майор позвал командира отделения сержанта Камбарова, таджика по национальности, и рядового Курочкина:

– Расклад такой. Я буквально парю над плато и вижу, как рассредоточились «духи». По сути дела, с равнины, а она размером с футбольное поле, два выхода. Это основной, тропа в расселине то есть, и, так скажем, резервный – натуральное бездорожье по склону. Но там будто состав со щебнем выгрузили. Днем или ночью все равно нашумишь. И голову сложишь. Это минное поле. Но ни мы, ни «духи» этот путь из списка не вычеркнули. К чему это я говорю? А к тому, что этот склон, – майор очертил его кругом, – не остался без внимания Тохарова. Минимум одного пулеметчика к выходу он поставил. А может быть, и двух. Таким образом, ключевая точка, – майор обозначил на плане самый верх расселины, которую он нарисовал в виде молнии, – охраняется тремя боевиками. Во-первых, это пулеметчик. Он в одиночку сдержит роту, а то и две. Во-вторых – автоматчик и сам главарь банды, вооруженный, может быть, наганом.

– Выходит, Тохарова через трубу не возьмешь, – съехидничал Максумов.

– Отчего же, – возразил майор, – как раз через трубу и будем его брать. Причем, труба каминная. – Острые карандаша в очередной раз коснулось наброска в том месте, где была обозначена вертикальная стена. Рогозин по-отечески улыбнулся рядовому Курочкину: – Готовься к работе, Сережа.

– Есть, товарищ майор!

Взгляд Максумова долго скользил по скале, как будто он представлял замедленное падение рядового. Но падение – черт с ним. Ему же сначала на скалу забраться надо. Затем он прикинул рост Курочкина. На глаз получалось – под два метра.

Он склонился над майором и тихо спросил:

– И ты хочешь запустить эту орясину на подъем? Хочешь обойтись малой кровью? Да в нем кровищи больше, чем в двух верблюдах.

– Он справится, – ответил Рогозин и загадочно улыбнулся.

Форма одежды – голый торс, мысленно прокомментировал Максумов. Он смотрел на высоченного парня, который снял форму и остался в трико и майке без рукавов. Капитан прищурился и разглядел на плече егеря татуировку.

– Это что-то значит? – спросил он у Рогозина.

– Ты скоро все увидишь, – пообещал майор.

– Может, тогда ты возьмешь ответственность за операцию на себя?

– Это само собой. У меня приказ начальника оперативного управления.

– Минобороны, что ли?

– ГРУ Генштаба. Тохаров наносит вред нашей стране не меньше, чем вашей, а натурально – больше. Он важное звено в наркотрафике. Часть героина проходит через его руки и попадает в Россию. О чем еще говорить?

Сергей Курочкин проверил, как держится на одном бедре упряжь с ножнами, на другом – мягкая кобура с пистолетом. Самодельная упряжь, заведенная кольцом за шею и проходящая под мышкой, держала рацию. На поясе крепился мешочек с тальком.

– Рацию включи на прием, – отдавал последние распоряжения Рогозин. – Слушай нас «в фоне». Тебя страхуют пулеметчики и снайперы. Твоя задача подняться на плато, разведать и доложить обстановку. Готовься убрать пулеметчика с тропы. Но приказ на устранение получишь уже наверху.

– Есть, товарищ майор.

– Ты готов?

– Так точно.

Рогозин улыбнулся. К такому трудно подготовиться. По большому счету, и он, и Курочкин, и остальные, причастные к этой операции, были готовы к ожиданию.

– Удачи.

Сергей подошел к скале, похлопал по ней так, как похлопывают, лаская, коня, и стал взбираться на нее.

Первые три метра основания скалы, которые шли под небольшим углом, скалолаз преодолел на одном духе. Застыл, словно приклеенный, и потянулся к мешочку с тальком. Одновременно выискивал глазами уступ или впадину. И только сейчас капитан Максумов увидел, во что был обут скалолаз. У него глаза на лоб полезли, когда он различил на его ногах обыкновенные галоши, не тупые, что надевают на валенки, а остроносые, «деревенские». Примерно сорок шестого размера. Причем надеты галоши на босу ногу. И тут же Максумов оценил часть экипировки егеря. Пальцы у него сильные что на руках, что на ногах; на пальцах он поднимался, пальцами удерживался на скале, найдя пригодный уступ или выемку. Прежде чем поставить ногу, он пробовал надежность опоры; и если бы на нем были ботинки с твердой подошвой, он бы не смог поставить ногу правильно. А в галошах его стопа и пальцы были свободны, даже пластичны.

Пока Максумов восторгался подъемом скалолаза, тот уже преодолел половину пути. И в этот момент по рации пришло сообщение от наблюдателя:

– Вижу цель на гребне.

Шеель устал. У него затекли ноги. Он размялся, добежав до кленовых зарослей, похожих на подлесок возле железной дороги. У самого края скалы зацепилась корнями за камни береза. За ее корявым стволом и залег Шеель, заодно маскируясь порослью жимолости.

Обзор отсюда был неплохой. Однако карниз, на котором и распластался немец, не позволял увидеть, что ровно под ним. Там могли сосредоточиться пограничники, но проку в этом никакого. Скала – неприступная, без специальных приспособлений не залезешь. А начнешь стучать молотком, вбивая крючья, привлечешь внимание.

Теперь и снайпер, вооруженный винтовкой Драгунова, видел в оптику голову человека с короткой бородкой, в кепке «команданте». Его палец, лежащий на предохранительной скобе, переместился на спусковой крючок. Он был готов и придавить его, и отпустить. Он был спокоен. И повторил за своим наблюдателем:

– Вижу цель.

Рации работали в режиме «интерком». Рогозин, видя положение Курочкина, точнее, его позицию на скале, дал отбой снайперу:

– Не стрелять!

Боевик не видел скалолаза за карнизом. Что толку убирать его? Только привлечешь выстрелом на эту сторону остальных боевиков. Это в то время, когда разведчик был на полпути к цели. К тому же «духи» могли прочесть замысел противника и убрать разведчика. Стоит бросить вниз гранату, задержав бросок на три секунды. Четвертая, когда сработает запал, станет последней для Курочкина. Граната разорвется в метре, двух над ним или под ним, но разлет осколков от этого меньше не станет.

Все эти выкладки в одно мгновение пронеслись в голове майора Рогозина. Часть из них он представил, словно вспоминал кадры из фильма.

На связь снова вышел наблюдатель:

- Цель не вижу.
- Продолжай наблюдение.
- Есть.

Сергей тоже слышал переговоры товарищей. Он сделал передышку. Не опуская головы, дал знать жестом руки, что все слышал.

– Работай, Серега, – услышал он голос командира и возобновил восхождение.

Когда Курочкин добрался до карниза, тот показался капитану Максумову козырьком над подъездом пятиэтажки. А когда, рискуя свалиться, скалолаз нашел выступ и повис на карнизе, отпустив ноги, Максумов отчетливо представил балкон своей квартиры, который держался на ржавых соплях. На него выходили только гости и только подшофе.

– Блин... – протянул он, не веря своим глазам. Человек на карнизе и тридцать метров смерти под ним – это понятно, непонятно, как под девяностокилограммовым весом карниз не обвалился. У капитана до сих пор щелкало в голове: этот естественный карниз, декорированный корявой березой, пронизан ржавой арматурой...

Сергей продемонстрировал растяжку. Он раскачался на руках, как на турнике, и забросил ногу на выступ. Из такого положения, в которое «увязал» себя скалолаз, Максумов не выпутался бы, даже лежа на земле. А этот... уже подтягивался на ноге, которую словно привязал к стволу березы, тащил на ноге свое тело. «Если он долезет, да еще и снимет пулеметчика, – думал восторженно Максумов, – я повторю на этой скале его татуировку».

Главная цель Курочкина была вооружена пулеметом Драгунова. Точно «драгунов», определился Сергей, прокравшись к краю подлеска. Даже на расстоянии тридцати метров, которые отделяли его от стрелка, он не мог ошибиться. Характерные обводы ложа, приклада, коробки с лентой, присоединенной снизу ствольной коробки. Боевик держал пулемет на сошках и смотрел только вперед. Разведчик успел разглядеть и другую важную деталь: запасной боекомплект по правую руку от стрелка. А это дополнительные сто патронов. И он тотчас доложил командиру о результатах наблюдения.

– Я на месте. На северном выходе «РПД» с запасным «бэ-ка». На западном склоне вижу еще четырех человек. Не пойму, чем они заняты. – Курочкин до боли в глазах вгляделся в людей, одетых в темные майки, с автоматами за спиной. Он ответил с убежденностью альпиниста: – Они готовят «камнеступы». Налаживают переправу через камнепад.

- У тебя хорошая позиция?
- У них плохая, – лаконично ответил Сергей. – Они заняты, меня не заметят.
- А пулеметчик?

– К нему подберусь кленовыми зарослями. Останется метров семь открытого пространства. Позиция благоприятная, товарищ майор, нельзя упускать ее.

- Хорошо. Бери пулеметчика. Мы поднимаемся по твоей команде.
- Есть.

Курочкин вернулся к месту подъема. И снова отправной точкой стала береза. Карельская береза. Отчего пришло сравнение?

2

...Минуты назад Сергей уповал на свои железные руки, и сейчас они продолжали оставаться его главным оружием. Но совсем скоро он обратит мощь «дегтярева» против боевиков, одними руками против них не отработаешь.

Не видит меня майор, подумал Сергей. Вряд ли в нем разыграло ребячество, просто он следовал писаным и неписаным законам спецназа. Его облачение не было идеальным и не могло стать естественной маской на этой равнине. Но лицо должно соответствовать, решил он.

Это была его вторая и, искренне надеялся он, последняя боевая операция. Через полгода домой. Его ждут еще два курса в институте, где он учился на инязе, ждут непокоренные вершины, члены Горного клуба. Ждет сестра...

В кармашке мешочка с магниезией, который сам Сергей назвал пистоном, хранился разовый запас грима. Не спуская глаз с пулеметчика, скалолаз запустил в него пальцы и нанес на кожу первый штрих, второй... Под глазами появились нездоровые круги. Резкие носогубные складки стали устрашающими, когда Сергей усугубил их глубину темно-зеленой краской. Собрав остатки грима, он тремя пальцами провел по лбу, оставляя на нем полосы. Отерев пальцы о трико, в котором был похож на Леонида Енгибарова, он взялся за рукоятку ножа. Это был нож разведчика со встроенным в рукоятку стреляющим устройством под бесшумный патрон «СП-4». Из такого «ножа» можно армейскую каску пробить, если, конечно, не промахнешься. А для того, чтобы не промахнуться, в гарде есть визир, а над стволом – мушка. И у тебя есть всего один шанс, потому что у спецножа скорострельность отсутствует, точнее, она есть – один выстрел в минуту. Но даже условный противник не позволит тебе ковыряться с ножом, перезаряжая его.

Сергей держал шестисотграммовый нож лезвием к себе. Лезвие длиной шестнадцать сантиметров достанет до сердца слона, не то что человека. Нож-пистолет. Нож-пилка. Нож-кусачки. Нож-убийца.

Сергей гнал беспокойные мысли, которые имели свойства магнита – притягивались. В армии он случайно. Он не солдат, не суперсолдат, не спецназовец, не горный стрелок, он – скалолаз. Он не может жить без гор, поэтому здесь. В его руках оружие – потому что так надо. Оказывается, есть такие горы, где без оружия ты – труп. А как же «молитва» первого покорителя Эвереста?

«Белая гора, высокая гора!.. Мы будем стремиться к тебе не со спесью и жаждой насилия солдата, идущего на врага, но с любовью ребенка, который взбирается на материнские колени».

Нет ответа на этот вопрос.

На этом участке подразделение егерей не раз устраивало тренировочный лагерь. А лагерь, расположенный в горах, должен иметь выход «по отвесному участку скалы „вертикаль“ с „карнизом“. А если на болотах – „выход на задание с преодолением труднопроходимого болота“.

Болота. Больше всего на свете Сергей не любил болота и его «милых обитателей», начиная от реальных кровопийц и заканчивая сказочными лешими и кикиморами.

Впервые с этим местом, названным просто – «горный лагерь», Сергей познакомился на макете – ящичке с объемно-пространственным изображением лагеря. На нем и была спланирована первая в его жизни детальная разработка плана операции. Затем он познакомился с макетом, что называется, в масштабе. И первые слова командира, с недоверием относившегося к хвалебным характеристикам из Горного клуба: владеет... уникальный... разнообразный... одаренный: «Сможешь залезть на плато, закрепить там и бросить нам веревку? Только не кинься вниз сам». – «В каком смысле?» – не понял Сергей. Командир объяснил: «Человек – как веревка. Его можно тянуть, но нельзя толкать».

Курочкин смог без подручных средств забраться по вертикали, перевалиться через карниз, закрепиться и бросить веревку. С тех пор мысль командира подразделения о том, чтобы «изуродовать скалу», вбив костыли и крючья, была вычеркнута из списка задач.

Сейчас Сергей Курочкин приготовился к тому, чтобы вычеркнуть из списка поставленных перед ним задач следующий пункт: «бесшумное нападение на объект противника». Тактически грамотный отход отсутствовал за ненадобностью, но на его место стала другая задача: отсечь противника от единственного выхода и прикрыть штурмовую группу.

Он должен будет убить. Впервые в жизни. От этого голова пошла кругом. Его словно швырнуло в курс парашютно-десантной подготовки. Он совершает прыжки без оружия и снаряжения, с оружием и грузовым контейнером. Зимой. На воду. На лес. С длительной стабилизацией падения. На горы. Из-за облаков. Совершает прыжки, стреляя. Ночью. Со сверхмалой высоты. Десантируется с вертолета по канату. А командир отчего-то всегда говорил: «По веревке». Странный человек. У него вместо «комбинация» – «пингвинация». Выживается. На зарядку выгоняет со словами: «Голый верх, прикрытый низ». Напутствует тех, кто впервые в горах: «Если смотреть снизу – это гора. Если сверху – пропасть». Рассказывал: «Недавно один профи провалился в расщелину. Вытянули его на веревке, а у него руки, ноги сломаны, обхохочешься». У него что ни ошибка, то «вес ушел». Только бы вес не ушел сейчас, подумал Сергей, возвращая себя в нормальное рабочее состояние. И этому его тоже учили. Без этого он даже не егерь и никакой не «одаренный».

Прошло не больше минуты, а перед мысленным взором промелькнуло полжизни. Но боковое зрение не дремало. Курочкин не упускал из виду основную группу боевиков, которые, судя по всему, заканчивали приготовления к спуску через камнепад. Можно отпустить их, но внизу, где их поджидают спецназовцы, завяжется бой. Тохаров и его окружение относились к числу преступников, которых обычно живыми не берут. Они будут огрызаться до последнего патрона.

Перед решающим броском Курочкин в последний раз отметил расположение основной группы боевиков во главе с Тохаровым. Его он узнал по описанию: невысокий, кряжистый, с короткой шеей, правое плечо ниже левого, при ходьбе подволакивает правую ногу – результат ранения в бедро...

Пулеметчик положения не изменил, а, казалось бы, должен размяться. Руки, ноги у него затекли. Командир сказал бы: «Обхохочешься».

Таджик изредка бросал короткий взгляд на товарищей, остальное время прислушивался. Потому что приглядываться бесполезно. Взгляд упирался в стену, поросшую вьюном. Разглядеть подошву массива не позволял ничтожный участок в метр шириной. Именно таковым было одно из двух колен, по которым изгибалась расщелина, а значит, и тропа, проложенная по ее дну. С этой позиции легко забросать нападавших гранатами, но снять его гранатой – дело трудное.

Разведчик был невидим, пока находился в засаде. А едва покинул место, готовясь к решающему броску, один из боевиков полоснул по нему из автомата. Но не попал – Сергей уже был в полете. Он словно опережал пули, стелясь над землей.

Но кто из боевиков Тохарова успел бы среагировать на этот натурально змеиный бросок? Только профессиональный военный, однако таковых в его группировке никогда не было. Или оперативные данные и агентурные источники врут.

Курочкин рассчитал бросок так, что приземлился в трех метрах от пулеметчика. Приземлился на татуированное плечо и тут же перекатился через голову. Расстояния и инерции хватило на то, чтобы с замахом всадить нож в шею противнику. И, отжимая его от пулемета, автоматически повернуть нож в страшную рану. Та же механика вернула нож в ножны. Отпуская его рукоятку и коленом отталкивая смертельно раненного боевика, Сергей избежал прицельной очереди стрелка и беспорядочной стрельбы его товарищей: он перекатом занял место за

пулеметом, двумя расчетливыми движениями развернулся и, едва сошки нашли опору, надавил на спусковой крючок.

Из коробки поползла лента, соединенная патронами, вставленными в звенья. Гильзы сыпались на камни, и Сергею казалось, что он ведет огонь сразу из двух стволов. И находил этому подтверждение. Он буквально припечатал тохаровцев к земле. Но они уходили. Уходили почти налаженной переправой через камнепад.

Сергей спиной чувствовал приближение пограничников. Бойцы Максумова шли по освободившейся тропе, а егеря Рогозина побежали к западному склону, чтобы отрезать боевикам путь к отступлению.

Приклад «дегтярева» бил в плечо с силой отбойного молотка, работал, казалось, на износ. В любую секунду Курочкин был готов услышать взрыв переполнившейся газовой камеры. Такого не могло быть, но беду егерь накликал. Никакого разрыва он не услышал, просто огонь прекратился, а за ним на плато опустилась тишина. Сергей нажал на спуск раз, другой, третий. Пулемет превратился в тяжелое оружие.

А «духи» уходили. Человек, которого Сергей окрестил профессионалом, отдал распоряжение товарищу, а сам, бросив взгляд в сторону тропы, вдруг поднял руку в прощальном жесте.

Сергей мог поклясться, что не увидел в этом движении издевки по поводу заклинившего пулемета. Его жест был искренним, не рассчитанным на внешний эффект. Это был своеобразный язык, и скалолаз разобрал хвалебные слова: «Поздравляю. Впечатляет. Прощай».

Этот человек был альпинистом. Это он сумел организовать боевиков Тохарова и наладить переправу через камнепад.

И – новое откровение. Едва ли не в полете, опережая пули, Сергей определил в незнакомце профессионального военного. А вот сейчас – альпиниста. Все это нарисовало окончательный портрет противника. Он, как и Сергей, был горным стрелком, егерем.

Ни тот, ни другой не знали, что мысли их текут в одном направлении. Шеель, уходя, бросил взгляд на высокого парня с пулеметом. Почему он не стал стрелять в него, для Ларса так и осталось тайной. В тот миг с него слетела шелуха военного, и он показался немцу хранителем гор, их патрульным. Казалось, он распознал в немце своего собрата – альпиниста и преданного горам человека. Он показался немцу индейцем, словно их разделял каньон.

И все же Шеель уходил не последним. Он крикнул боевику: «Прикрой!» и начал спускаться.

Для Курочкина он стал грудной мишенью, потом, когда над землей стала видна только его голова, – натурально однодольной.

Вооруженный «калашниковым» боевик отстрелял по Сергею длинной очередью. Разведчик не спешил распрощаться с «дегтяревым» и походил с ним на Рембо. Не хватало разве что ленты, проходящей, как по направляющим валикам, по рукам. С гортанным криком скалолаз кинулся вперед:

– Упал! На землю! Убью!

На мгновение он подавил противника бешеным напором. В следующий миг тот очухался и отстрелялся длинной очередью. Сергей видел, как ствол «калаша», из которого практически невозможно попасть при стрельбе очередью, ведет по диагонали вправо и вверх. Пригибаясь, Сергей приближался к противнику с левой стороны, и непрерывный поток пуль следовал в метре от него. А когда до боевика осталось десять метров, швырнул в него семикилограммовый пулемет. Как по заказу: в этот момент «калашников» лязгнул затвором, выбрасывая последнюю гильзу.

Словно в растерянности, Курочкин схватился за рукоятку ножа, выдернул его из ножен и повел перед собой лезвием. На манер Брюса Ли пальцами свободной руки поманил противника:

– Слабо?

Таджик усмехнулся. И бросил автомат. Теперь у него море времени. Он даже успел бросить взгляд на кромку склона, за которой скрылся его командир. Снова встретившись взглядом с русским разведчиком, он, пользуясь благоприятным моментом, особенно не торопясь, потянулся к кобуре.

Курочкин поменял хват ножа с обычного на обратный, присоединил к нему свободную руку так, будто хотел вонзить нож себе в грудь.

Прицельная дальность ножа – двадцать пять метров. До боевика – не больше восьми. И только сейчас противник понял все, увидев в торце рукоятки черное отверстие. Он вскинул вооруженную пистолетом руку в тот момент, когда Сергей выстрелил. И опустил руку.

Пуля попала боевику точно между глаз, в заросшее переносье. Он рухнул на колени, глядя перед собой. Затем его голова наклонилась набок и словно потянула тело за собой.

Курочкин вложил нож в ножны, вынул из кобуры пистолет и подполз к кромке наклонной морены. Он ожидал услышать предупредительные выкрики, выстрелы вниз, увидеть товарищей. Но те что-то медлили. Вот головной боевик преодолел последний пролет моста и перекатился в сторону, давая дорогу очередному. А этим очередным был сам Тохаров.

«Неуловимый Тохаров», – выдавил сквозь зубы Сергей.

Он прицелился в главаря банды из автоматического пистолета. С таким же успехом мог взять на мушку из стреляющего ножа. Длина склона семьдесят метров. Прицельная дальность у «стечкина» впечатляющая, но вряд ли попадешь одиночным выстрелом. Очередью – тем более.

Курочкин выстрелил, привлекая внимание к себе. Каждую секунду он ожидал увидеть внизу бойцов из своего подразделения. Еще дважды выстрелил, держа на мушке Тохарова. Убрал голову, когда Тохаров и еще двое боевиков подняли автоматы. Тотчас в двух метрах над кромкой просвистели пули.

В двух метрах. Косые они, что ли? Удивлению Сергея не было предела. Ну ладно бы один промахнулся, а тут трое. Какое-то коллективное косоглазие. Или автоматы у них бракованные, с гнутым стволом, как в «Стажерах» братьев Стругацких.

И тут Курочкин понял, почему они промахнулись. Они намеренно брали выше цели, чтобы не попасть случайно в камни, нависшие над ними, в камни, которые они с такой осторожностью оставили позади.

Спецназовец не знал, в чем причина задержки его Икс-группы, но даже короткой перестрелки не мог допустить. Он сделал то, от чего сам был на волоске, затаившись на вертикали под карнизом.

Он перекатился к убитому боевику, расчетливыми движениями освободил его разгрузку от гранаты, выдернул кольцо и разжал пальцы. Когда рычаг запала отлетел в сторону, Сергей бросил «лимонку». Перекатившись на прежнее место, глянул вниз. Вовремя. В этот миг рванула граната. Вторая снизу секция моста взлетела на воздух. Боевики Тохарова попадали, как снопы; кто-то успел отстрелять из автомата вверх.

На секунду показалось – взрыв оказался холостым, нужного эффекта Сергей не добился, хотя даже взрывпакет мог поставить крест на бандгруппе Сухроба Тохарова. И вдруг почувствовал дрожь под руками.

Скалу зазнобило, подобрал определение Курочкин. Потом ее затрясло. Вниз покатился один камень, увлекая за собой и собирая по пути другие... Прошли считанные мгновения, а камнепад, набрав свою силу, тотчас иссяк, выдохся.

Сергей встал во весь рост. Каменная волна схлынула, оставляя за собой безопасную подошву. По ней, безбоязненно ступая на валуны, вниз сбежал Курочкин, на ходу вынимая пистолет. После такого мощного, хотя и скоротечного схода камней в живых вряд ли кто остался, и все же спецназовец был готов к любым неожиданностям. И первой неожиданностью стала тошнота, подобравшаяся к горлу быстрее, чем он оказался внизу. Он еле сдержал

приступы рвоты, не отдавая себе отчета, почему он противится организму. Может, причина в товарищах, которые дали знать о себе криками и выстрелами в воздух.

В воздух. Почему в воздух? Сергей охал, натужно вдыхал, кусал костяшки пальцев. Был готов извернуться и укусить локоть, лишь бы скрыть слабость.

В следующую секунду он чуть не вскрикнул от удивления. В тридцати шагах севернее этого места он увидел человека. С первого же взгляда узнал в нем альпиниста и военного, егеря. И выстрелил в его сторону. Вскочил на ноги и бросился за ним, недоумевая: какой изворотливостью нужно обладать, чтобы уйти из-под шквала камней. О навыках речь не шла в принципе.

– Стой! – Курочкин выстрелил, целясь выше цели на добрый метр, будто отдавал должное. – Стой!

В ответ – короткая автоматная очередь.

Сергей на ходу переключил флажковый предохранитель в режим «авт» и отстрелял в беглеца очередью. Тот упал, как подкошенный. Когда Сергей приблизился к нему, держа на мушке, Ларс Шеель ожил. В его движениях не было стремительности, но они были оптимальны, для того чтобы снести противника подсечкой и не получить в ответ пулю. Курочкин падал, вскинув руки и отпуская рукоятку пистолета, Шеель вставал, готовый к завершению атаки. Вскинув автомат для выстрела, он одарил соперника последней улыбкой: Курочкин тянулся рукой к пистолету. Чтобы взять его, прицелиться и нажать на спусковой крючок, ему потребуются секунды, тогда как Шеелю хватало одного мгновения.

Он смотрел только на одну руку, которой спецназовец отвлекал его от другой. Его пальцы уже обхватили камень, который, возможно, скатился с самого верха. Он бросил камень, резко подаваясь назад. Шеель выстрелил. Пуля прошла в сантиметре от тела Сергея, а камень, брошенный им, угодил немцу в голову. Теперь преимущество было у Курочкина. Но едва он поднялся с земли, как снова напоролся на атаку противника. Шеель резко сблизился с ним и попытался захватить за шею. Из такой позиции у него были все предпосылки отправить противника на землю и сломать ему шею. Но Курочкин автоматически выполнил контрприем из боевого самбо, называемый передним переворотом. Он присел и захватил немца за бедро. Выпрямляясь, не без труда оторвал от земли и повернул головой вниз так, что она оказалась между ногами. В следующий миг он отпустил его, отбрасывая от себя ноги.

Ларс Шеель, несмотря на видимую тучность, оказался проворным – не как змея, но как удав. Он вовремя и в нужный момент подтянул голову и сорвал планы спецназовца. Он приземлился на плечи, а не на голову, как рассчитывал Курочкин. А дальше скользнул на спине между его ногами. И нанес удар ногой из выгодного положения. Сергей не успел сгруппироваться. И вообще не ожидал, что лежащий на спине противник способен выгнуться и ударить.

Удар пришелся точно в нос, так, что в голове зашумело. Затем «зазвенело» в паху, когда Шеель, выгибаясь дугой, въехал ему в пах коленом.

Только теперь Сергею выпал шанс провести по-настоящему качественный контрприем. Шеель буквально вынудил его подогнуть колени и повалиться на него спиной. Фактически Сергей придавил его. И тут же оглох от резкого выкрика. Шеель не упускал ничего, пустил в ход даже свой голос, крикнув противнику в ухо. Сергей запрокинул голову и сильно ударил Шееля затылком. И еще раз, чувствуя, что его удар достиг цели.

Скатившись с него, он наконец-то вооружился «стечкиным». Взяв немецкого егеря на мушку, он, тяжело дыша, покачал головой, подражая то ли красноармейцу Сухову, то ли майору, который кричал что-то в двадцати метрах позади:

– Ты руки-то подними.

Он попытался разглядеть лицо этого человека, но не смог. Тот с ног до головы был присыпан известковой пылью и походил на громадный пельмень. Отдельно лицо его походило на котлету по-киевски – с кровью.

По истечении нескольких секунд командира «Красного спасения» окружили егеря. Они смотрели на него не без интереса. А на своего товарища, который в одиночку угробил банду Тохарова, ноль внимания. Как будто так и надо.

– Сдаюсь, – выговорил Шеель, поднимая руки. – Не стреляйте. Я иностранный подданный.

Майор Рогозин присвистнул. Приблизившись к Курочкину, он выпятил губу и похлопал подчиненного по плечу. К его «подвигу разведчика» он прибавил поимку иностранного агента:

– Поздравляю. Ты отбил у меня охоту назвать эту операцию «Спасение рядового Курочкина». Хорошо поработал, Сережа, чистенько, без швов. Доволен своей работой?

– Очень устал, товарищ майор.

Рогозин понимающе покивал головой. Не скоротечная физическая работа стала причиной усталости, а эмоции, новые чувства, привыкнуть к которым невозможно. Курочкин был не из тех людей, которым требовалась помощь психолога. Тут главный психолог он сам, а помощники психолога – его товарищи. Даже командир не вправе был вмешиваться. Хотя бы потому, что представлял «противную» сторону: он отдал приказ на ликвидацию.

Сергею не давал покоя один вопрос. Он быстро очухался от скоротечного поединка и, покачивая головой, сказал Шеелю:

– Как ты от камней-то ушел? Вот этого я не пойму, хоть убей.

– Камнепады – моя слабость, – ответил Шеель, морщась от боли: сержант Камбаров завел ему руки за спину и замкнул на них «браслеты». – Тебя еще в проекте не было, когда я проходил моренами.

Похоже, командир «Красного спасения» также пытался представить себе образ своего визави, и также тщетно. Тот был загримирован и походил на собирательный образ крутого спецназовца. Ростом под два метра. Не верится, что он поднялся по вертикальной скале. Шеель представил, как эта разукрашенная жердь встает на цыпочки и хватается за карниз, переваливает свое тело на плато. Такие великаны рождены для другого: крушить камни и скалы.

Рождены.

Когда Сергей повернулся к нему вполборота, Ларс Шеель, шевеля губами, прочел на его плече: «Одаренный от природы».

И спросил:

– Чем ты одаренный, верзила, ростом, что ли?

Курочкин улыбнулся:

– Разве ты еще не понял?..

3

– Поминки оказались невеселыми, – мрачно сострил Рогозин, избегая смотреть Курочкину в глаза.

Они прощались. Скорее – навсегда. И оба понимали это.

Майор не припомнил таких грустных проводов. Через него прошло много солдат срочной службы. Он воспитал не одного классного егеря. Ляпал их с нуля, быстро, но качественно, как Бог из «Божественной комедии», однако без юмора. Но еще ни разу на его языке не вертелась строчка из песни: «Опустела без тебя земля». Опустеет. Горы затоскуют по Сереге Курочкину. Может быть, он любил горы потому, что в отряд пришел уже классным скалолазом. За его плечами суровые горы Скандинавии, Большой Кавказ, Восточные Альпы. Майору хотелось спросить: «Ну как там горы в Скандинавии, очень высокие?» Он знал ответ, но хотел услышать продолжение. Красиво там, черт возьми. Ну как словами передать красоту Скандинавских гор, вершины Гальхёпиггена? Это надо видеть. Даже с закрытыми глазами можно почувствовать их красоту. И об этом майор Рогозин знал. Он не поднимался на Казбек, но видел его. Закрывал глаза и все равно видел. Видел на склонах луга, которых нет и в раю, а выше них – снега, такие чистые, что небо кажется грязным покрывалом. Счастливые люди живут рядом с великой горой. Им неведомы зависть и злость. Чему завидовать, когда ты каждый день любишь вершиной сказочной горы. Скрывает ли она под собой несметные сокровища? Может быть. Никто об этом не знает. Цветы красивы на лугах. Когда ты срываешь цветок, ты забираешь у него душу. Они мертвые в букете, в венке. И гора умрет, если вгрызутся в нее трактора и машины.

У майора было свое представление о душе. Душа, на его взгляд, – это нервы. Он часто шутил по этому поводу: «Нервный человек – душевный человек». И добавлял, когда его не понимали (а его в этом вопросе никто не понимал): «А что такое?»

– Вот такая пингвинация, Серега. Жалко, с Камбаровым ты не попрощался. Обещал вернуться наш сержант. – Майор улыбнулся. – О чем это я? Все обещают вернуться, встретиться на гражданке, но редко кто сдерживает обещание. Кстати, вот о чем хотел тебе сказать. – Он взял Курочкина за рукав и покрутил пуговицу с красной звездой. – Иностранца, которого ты взял на плато, скорее всего, отпустят на свободу.

– Я уже начал забывать о нем, – улыбнулся Курочкин. – Я не знаю, кто он, и не хочу этого знать. Не хочу знать его имени. Мне достаточно одного Тохарова.

Майор легко понял Курочкина. Он из той редкой породы людей, у которых напрочь отсутствует беззастенчивое хвастовство. Он никогда не скажет: «Я ликвидировал банду Тохарова». Никогда не добавит: «Задержал иностранного агента». Постарается об этом забыть. А вот о чем часто будет вспоминать, так это о покоренных им вершинах. Рогозин не сомневался, что Курочкин будет стоять на пике Кения, Мак-Кинли, Эвересте – почему бы нет.

Сергей, чтобы не обидеть майора, спросил, подбирая слова:

– Нашего иностранца отпустили... за отсутствием состава преступления?

– Даже юристы не говорят так официально. Все гораздо проще. Его обменяют на подполковника нашей внешней разведки. Взяли мы не простую птицу. Его разыскивает Интерпол. Я, честно говоря, замучился писать рапорта. Последний отчет накатал неделю назад, когда к нам приезжал полковник Мотов с Лубянки. Собственно, переписал старый отчет, но без упоминания в нем иностранца, как будто и не было его. Спросил у полковника: «Перестарались?» И представил нашего клиента в камере пыток, на дыбе, в окружении палачей. Мотов качает головой: «Жив. Готовим обмен. Уедет скоро на родину. Но ты постарайся об этом быстрее забыть. И бойцам своим скажи: не было никакого иностранца. Взяли банду Тохарова, состоящую из таджиков». Остальное домыслить было просто. Обмен, как говорится, неравноценный. Нам возвращают предателя, а мы отдаем международного преступника, которого разыскивают за

терроризм. Место ему за решеткой, а мы его – на свободу. Поэтому заставили меня изменить рапорт. Но в нем остался ты – как штурмовая группа, – улыбнулся Rogozin.

Майор не знал, что в этом деле российские спецслужбы зашли еще дальше. В планировании обмена самое активное участие принимал глава нацистской партии Германии, лидер тюрингской земельной организации, близкий друг Ларса Шееля.

В молчании прошла минута.

– Ну что, будем прощаться? – спросил майор. – Ты домой первым делом?

Курочкин покачал головой:

– В Москву, товарищ майор. Армейский клуб выделяет мне однокомнатную квартиру, надо бы посмотреть.

– У тебя тоже свои секреты?

– Конечно. Могу поломаться. Мол, не нравится квартира – низковато для меня, «Динамо» предлагает вариант получше. До армии я в Москве угол снимал. Учился, спортом занимался. Институт надо заканчивать в нормальных жилищных условиях. – Курочкин не выдержал и рассмеялся над последними словами.

Этот разговор состоялся в душанбинском аэропорту. Курочкин улетал самолетом на родину не один. Спецрейс был предназначен для военнослужащих из Московского погранотряда и мотоманевренной группы из состава 201-й дивизии. Всего набралось семьдесят шесть человек.

– Не забудь московский адрес прислать, – предупредил майор. – Буду в столице, остановлюсь у тебя. Ты как, не против? – Не дав Курочкину ответить, Rogozin приблизился к нему и с заговорщицким видом сказал: – Не соглашайся на однокомнатную квартиру, Серега. Ты им нужен, а не они тебе. Их много, и все они безликие. А ты один, и ты – уникален. Нет такого второго человека на Земле. Главные достоинства скалолаза – это маленький рост, маленький вес. Подтянуть себя, когда ты весишь пятьдесят килограммов, несравненно легче, чем при весе под центнер. А ты справляешься с этим легко, как будто действительно весишь пятьдесят кило. Напиши мне об этом, когда о тебе и твоей уникальности напишут в журнале. И не забывай торговаться, Петруха, Восток – дело тонкое.

Напоследок из майора снова вылез красноармеец Сухов.

Он завидовал Курочкину. Альпеншток – вот самое грозное оружие, которое он возьмет в руки. А майор поведет нового бойца в учебный лагерь, расскажет, как на этом плато рядовой Курочкин брал банду Тохарова...

– Долой оружие, – бросил под нос майор.

– Что, товарищ майор? – не расслышал Сергей.

– Я говорю, впереди у тебя целая жизнь. Каждый день придется что-то выбирать, а назад пути нет. Больше верь в людей, чем в организации, пусть даже они свои, «родные». Не позволяй никому возлагать на себя большие надежды – отвечать придется по-крупному.

Майор имел право напутствовать своего подчиненного, вылупившегося из яйца цвета хаки, в отеческом стиле. Родителей Сергей лишился в одиннадцать лет. Он соперничал ему как человеку, но не мог сделать этого еще вчера, когда Курочкин был солдатом. Нашел много общего с этой темой в «Кресте» Александра Бригенца:

– «Устал соперничать листьям, натренированно падающим мимо земли... Но благовоспитан». Прощай, Серега.

Это были последние слова начальника «Х-группы», обращенные к подчиненному. Rogozin смотрел вслед самолету, взмывшему в небо, подобно ягнятнику, громадной, устрашающей своими размерами птице...

4

Обмен состоялся в лучших советских традициях.

Шеель не чаял когда-нибудь снова проехаться в «Волге», несмотря на то что в чешских городах «Волга» – не редкость. И вот он сидит на заднем диване между оперуполномоченными российской госбезопасности, смотрит прямо перед собой, и непонятно, заканчивается ли его взгляд на лобовом стекле – как мертвое отражение открывшейся впереди панорамы, или простирается дальше отражения, которого Шеелю мало. Эффект перевернутого зеркала. Смотришь в него (а себя не видишь) и выбираешь по желанию, на чем остановиться. Это и есть «слепой» взгляд. Взгляд в никуда. Но все же Шеель смотрел – в будущее, к которому он питал особые чувства, нежнее, чем к самым приятным моментам прошлого.

Мост. Шеель улыбнулся. В голову лезут «послабления»: «Помнишь мост через Эмс, который после взрыва лишился пролета?» – «Это классика. Помнится, в воду упал автобус...» Шеель видит только действие, память отсекает все, что лишено динамики. А может быть, это воля командира не дает ему увидеть жертвы, десятки смертей.

Никакого моста не будет. Просто мост – символ обмена, символ свободы, символ сотрудничества и разведки. В 1962 году на границе Западного и Восточного Берлина советский разведчик, сын немецкого революционера, рожденный в Великобритании, возвращался в страну, которая стала ему второй родиной, сейчас же эта земля встречала предателя, который в выборе второй родины зашел слишком далеко. «Слишком далеко», – повторил Шеель.

Машины заехали на летное поле аэродрома в Быкове и остановились в десяти метрах от трапа.

Прошло десять, пятнадцать минут. Шеель спросил, нарушая тишину, воцарившуюся в салоне «Волги»:

– Долго будем сидеть?

– До вечера, – ответил, не скрывая злости, российский чекист.

– У тебя точные сведения? – спросил Шеель. И не сдержал своих чувств: – Лично тебе я досадил в прошлой жизни? За что ты готов плюнуть в меня ядом? За то, что не можешь обуздать свои чувства? А это значит, ты не умеешь работать. Или эта работа – не для тебя.

– Точные сведения, – ответил оперуполномоченный, не меняя тона. – Могу назвать источник: одна баба сказала.

– Только одна? Ты сказал об этом с такой уверенностью, будто не менее десятка баб тебе сказали о расписании спецрейса.

Шеель шесть месяцев просидел в камере следственного отделения «Лефортово», подтянулся по русскому языку, но так и не избавился от привычки говорить в дословном переводе. Собеседникам казалось, что он создал для себя образ и воплощал его в сценической игре. Войдя в роль, говорил строго по тексту. Ни на шаг от избранной линии поведения. Он знал свое дело, не косил под дурачка. Зачем, когда актерская маска стала оптимальным вариантом прикрытия. Это несмотря на то что он нашел ответ для себя в том, что учил русский через чешский. И вот сейчас он, глядя на сопровождающих, прикинул, как бы они выглядели в серых плащах, под которыми – ножны с кинжалами. Прикинул, что мог ему сказать один из них «литературным языком» самого Шееля:

«Глава Национал-демократической партии содействовал в аресте предателя – подполковника нашей внешней разведки, перебежавшего за рубеж. За свои услуги он потребовал расплатиться натурой, и мы приняли решение обменять тебя, командира „Красного спасения“, не имеющего для разведки практической ценности, на дорогостоящую информацию. Предатель будет доставлен на родину и осужден».

Малость занудной показалась Шеелю речь российского чекиста. Его отчего-то не покидала мысль о том, что, несмотря на вычурную многословность, одетую в смирительную рубашку, чего-то не хватало, скорее всего – заключительного слова. И Шеель вдруг нашел его. Повернув голову к сопровождающему, который сидел от него по правую руку, Ларс поставил заключительную точку:

– Хайль Гитлер!

Опер хмыкнул и обменялся с напарником красноречивым взглядом. И все же не удержался от реплики с места:

– А вроде бы взрослый мужик. Сорок шесть, если он не скрывает свой возраст. Даже в России нет такого дурдома, который вместил бы одного такого дурака. Можешь передать своим, что мы ушли в недельный запой, когда узнали, что обменяем такое ничтожество, как ты, на...

– На такое же ничтожество, я понял, – перебил его Шеель.

В беседе с главой фирмы, вербующей «собак войны» в Пешаваре, он вскользь упомянул о страховке за плечами: если он попадет в дерьмо, партия сумеет его отмыть. В этом деле было одно слабое звено: он выбрал длинный и опасный путь в Таджикистан и обратно, идя на поводу у своей страсти к горам. Его манила тяга к приключениям. В офисе «Дипломатического корпуса» он откровенно лукавил, говоря, что «пограничный человек», живший в нем, навсегда остался в семидесятых годах. Он и сейчас искал себя в экстремальных ситуациях, грезил горными вершинами и девственными облаками.

«Одна баба» откровенно подвела оперативника: по истечении двадцати минут к машине подошел неприметный тип лет сорока и постучал согнутым пальцем по стеклу:

– Выходим.

Шеель ступил на трап. Незнакомец шел впереди, за ним следовал сам Шеель, замыкали шествие оперативники, касаясь руками его спины.

– Налево, – последовала команда.

Арестованного провели в хвост самолета. Шеель прокомментировал это:

– Я знаю, что здесь самое безопасное место. – И поднял скованные наручниками руки.

Сопровождающий ухмыльнулся и покачал головой, прежде чем отомкнуть «браслеты».

Ларс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Понадеялся, что время в полете пролетит незаметно. Улыбнулся, мысленно повторив: «Время в полете пролетит...»

Он понял, что теперь ему ни к чему эфемерные чувства, словно он заглянул в будущее, – он точно знал, что будет через двадцать, тридцать минут, через два с половиной часа. Самолет взмлет в воздух, ляжет на курс, приземлится в аэропорту близ Праги, сменит одного пассажира на другого и вернется в Москву. Он полагал, что первым, кого он увидит, будет майор чешской госбезопасности Йозеф Янчула – куратор и посредник между госбезопасностью и «Красным спасением». И сегодня у майора будет повод выпить и заплетающимся языком завести нескончаемый монолог:

– Ты думаешь, хамас где? А-а-а!.. Не знаешь! На Западном берегу Иордана. А кто его поддерживает? Не знаешь? А-а-а!.. Ну а все... сва... вас, немцев, кто поддерживает? Мы! Чехи!.. Мы вас кор-мим! Кормим. Вы кушаете наш хлеб! Знаешь, почему?.. Политика! Э-э-э... Ты мелко плаваешь! Ты знаешь, что такое политика госбезопасности? Это государство в государстве. Мы – Ватикан. А может, ты хочешь в Китай, Иорданию?..

Самолет приземлился в аэропорту города, «расположенного на пяти холмах», когда бортовые часы показывали начало девятого вечера. Шеель за время полета поел, не без самодовольства замечая, что камбуз работал только на него, подремал, раз двадцать зевнул, пока не получил замечание:

– Бросай, не то пасть порвешь.

Очутившись на трапе, поймал себя на странной мысли: его обманули. Самолет покружил и сел на той же полосе. Не будет никакого обмена, впереди его ждет камера в «Лефортове». А вот и Йозеф Янчула.

Чешскому майору Шеель улыбнулся, как родной сестре. Тот ответил более сдержанно: приподнял и тут же опустил кончики губ. У него ответственная миссия. Он снова выступал в качестве посредника, был тем самым мостом, о котором размышлял недавно Ларс Шеель.

– Пошли, – услышал он команду и сделал первый шаг к реальной свободе.

Навстречу ему сделал шаг человек, которого Шеель больше никогда не увидит, но часто будет вспоминать с чувством не в свою пользу: «Как дешево стоит жизнь человека». И даже существенная прибавка «в такие минуты» не сможет сгладить чувства поражения.

Он смотрел на него и напрасно пытался встретиться с его взглядом. Его визави смотрел под ноги, словно в любой момент был готов провалиться. Именно так интерпретировал немец поведение предателя от российской разведки.

И – рукопожатие Янчулы.

– Рад видеть тебя, Ларс, – приветствовал его на немецком майор. – Полгода прошло...

Шеель ответил по-русски:

– Хули так долго?

Янчула обиделся. До самого Жатеца хранил молчание. С насупленными бровями принял приглашение зайти в дом «красного командира». Прождал его минут десять. Это время ушло у Шееля на общение с заскучавшей командой.

Удобно устроившись в любимом кресле, Ларс прикурил сигарету. Говорил так, будто виделся с майором вчера, и тот успел ему надоест.

– И вообще, Йозеф, что ты хотел услышать? Слова благодарности? За что? За то, что довез меня из пражского аэродрома в Дом рыбака? Ты же не таксист. Тебе не приходило в голову, что тебя использовали дважды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.